

The background of the cover is a detailed illustration of a character with long, vibrant red hair. The character's face is pale and freckled, with their eyes closed in a peaceful or perhaps unconscious expression. They are wearing a dark, textured garment. In the lower-left foreground, the ornate hilt of a sword is visible, featuring a circular pommel with intricate designs. The overall style is reminiscent of a comic book or a detailed fantasy illustration.

**Ростислав
Левгеров**

**Зови меня
Лео**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

— Том II —

18+

Ростислав Левгеров

Зови меня Лео. Том II

Серия «Путь Лео», книга 2

<https://litres.ru/73959489>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня звали Настей, и я была настоящей занозой в заднице.

Благодаря папе – сделал из меня бойца. В прямом смысле – лучше всего я могу махать кулаками. Может, поэтому парни бегут – боятся врежу? Очередной такой только что свалил. По телефону.

И вот, сижу, горюю в кафешке, одна, как вдруг ко мне подсаживается импозантный мужчина с тростью. Воспользовался, гад, моим состоянием, задурил голову, наобещал с два короба. Представился демиургом, сказал, что наколдует мне рай.

«А что? Колдуй, мать твою!» – бездумно согласилась я и

Очнулась в клетке по пути на костер, где сжигают ведьм. Думаете, это конец истории? Думаете, я сдамся? Черта с два!

Что дальше?

А дальше начнется веселье: для начала вышибу палачу зубы, окуну рыцаря в навоз, научу банду воров драться и пойду грабить

барона, чтобы спасти никчемного поэта. Ведь если тебя все считают ведьмой, почему бы не стать ею?

Отныне меня зовут – Лео. И теперь я – проблема для всех сильных мира сего.

Содержание

Глава 1. Залечь на дно в Дун Карраге	5
Глава 2. Волчья Глотка и ее обитатели	19
Глава 3. Проститься с премерзким монстром	35
Глава 4. Ласточка	49
Глава 5. Бешеная яга Козья	64
Глава 6. О тех, кто портит нам жизнь	79
Глава 7. Проруха у Рыбарки	93
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ростислав Левгеров

Зови меня Лео. Том II

Глава 1. Залечь на дно в Дун Карраге

«В это чудное – несмотря на основательную стужу – утро, знаменующее собой самый разгар зимы, в это упоительное утро, буквально перенасыщенное ощущением чего-то такого волнующего, навевающего мысли о празднике и чистом помыслами начинаниями; утро, когда разлившийся в воздухе мороз так озорно покалывает щеки крохотными иголочками, заставляя и двигаться быстрее, и поплотнее запахивать теплые одежды, и едва слышно браниться, но не со зла (ведь уют теплого ночного очага, исходящая парком ключевая водица с щепоткой добрых трав в согревающей ладошки кружке, да истекающий жиром окорок так свежи в воспоминьях!); утро, когда снег, до боли в глазах блестящий от восходящего солнца, уже озарившего хрустально чистый небосклон необыкновенного лазоревого цвета, обманчиво ласково похрустывает под сапогами, предательски умиротворенно впускается; когда неутомимый ветер срывает с величественных гор поземку, что волшебным искрится на холодных и пронзительных лу-

чах, и напрасно треплет вековые сосны, с некоторым сожалением роняющие наметенные за ночь шапки; когда долгая ночь, теряя накопленную тьму, уходит, и тени, постепенно укорачиваясь»

– Это что за фигня? – спрашиваю я у писарчука.

Джанкарло обиженно вытягивается, губы трясутся. Кажется – вот-вот разревется. Надо же, задела чувствительную струнку. Ведь он у нас в душе поэт! Вон и с Лисом спелись – дни и ночи напролет проводят, беседуя о поэтах, философах, художниках и прочих бумагомараках. Только двух ту-неядцев нам тут и не хватает! От их премудрых речей уже зубы сводит. Эх, сюда бы мою бабу, из прошлой, никогда не существовавшей жизни – она бы этим умникам показала бы, почем фунт лиха! В топку эту макулатуру, говорила она в таких случаях. Выбьем зубы тем, кто превращает слово в мусор! Пусть шепелявят, пусть слюной исходят, точно бездомные псы!

Разумеется, писарчуку я ничего такого не говорю. Ни к чему обижать моего горе-летописца. Велик риск сломать его хрупкую душевную организацию.

Справедливости ради стоит заметить, что писарчук выказывает недюжинную эрудицию. Переигрывает нашего штатного менестреля по всем фронтам, да и стишки этнойца поскладнее Георговых – это уловило даже не раз битое ухо Чоша, далекого от этой темы настолько, насколько это возможно.

Стишки поскладнее, конечно, но поражены единственной болезнью, которая меня раздражает – чрезмерной вычурностью. Джанкарло – маньерист до мозга костей. Вот и с его «летописью» та же беда.

– Я спрашиваю, Джанни, – повторяю вопрос, тыча пальцем в бумагу, – что это такое?

– Это, госпожа Лео, – гордо отвечает он, – легенда о ведьмачке Лео, или повесть о невероятных приключениях принцессы света, защитницы сирых, убогих и обездоленных, оплота добра и справедливости. Как вы и просили.

– Да это же невозможно читать! Я и первое предложение до конца не осилила. К тому же почерк у тебя тот еще! Можно обойтись без этих твоих завитушек и прочей ерунды?

– Я вознамерился, с вашего благословения и одобрения, милостивая госпожа, начертать возвышенный эпос о славных подвигах вашей светлости. Как вы и просили, смею заметить. И приступил ко сему со всею страстию и неутомимостию, на кою только способен, ваша светлость!

– Ой, вот только не надо!

– Простите, не надо чего?

– Не надо меня титуловать, сколько раз просила! Какая я тебе, к чертям собачьим, светлость!

– Но, ваша светлость, как я могу – начинает он растеряно.
– Да ведь вы же Ведь я со всем почтением к вам, моя благородная властительница. И притом, вы совершенно точно знатных кровей – у меня на этот счет глаз наметан. Я бы ти-

туловал вас иначе, но уступая вашим настойчивым

– Да черт с тобой, называй как хочешь! – машу я рукой.

После своего спасения писарчук в отдельных местах был невыносим.

Мы его нашли с месяц назад, ослабевшего от холода и голода, одичавшего. И заросшего черной бородищей. Он и без того выглядел чудно – помните усищи метелкой, бороду веером? А после страданий Джанкарло превратился, ни много ни мало, в лешего. Я чуть не прихлопнула его, приняв за одного из зомбаков, в изобилии расплодившихся в последнее время.

Оказалось, что наш высокоученый этноец дал деру сразу, как только почуял неладное. Это произошло еще до моего заключения в тюрьме приснопамятного Блуда. Хитер бобер! Чуйка у прощелыги что надо!

Захотел вернуться на родину, даже прибил к какому-то обозу, отсыпав хозяевам половину сбережений, но по дороге на обоз напали разбойники, клутжи по-здешнему, разграбили его, народ поубивали, а писарчука взяли с собой в качестве повара. Дело в том, что этноицы повсеместно славились как превосходные повара. Но к Джанкарло это не относилось. Соусы у него были пересолены, жаркое либо сырое, либо подгорелое. Поэтому его собрались повесить, но не повесили, так как на клутжей вовремя напали «чудища невиданные, ужасные и свирепые до умопомрачения, крови жаждущие». Под шумок писарчук смылся и далее с пере-

менным успехом шатался по лесам и горам, ожидая «неми-
нучей смерти». С переменным, потому что одно время он
отсиживался у какого-то глухого и полуслепого деда на чер-
даке, без зазрения совести пользуясь его запасами, а когда
незванного квартиранта прогнали односельчане, питался ко-
реньями и мхом, ночуя на деревьях – в пещерах водились
звери и очень часто «порченные».

На дереве мы его и нашли, жалобно завывавшего, словно
чудо-юдо лесное.

Словом, бедолага натерпелся вдоволь. Для восстано-
вления ему понадобился почти месяц. Зато после этого я стала
царицей, Чош, Пегий, Дастур и Куль – рыцарями-паладина-
ми, Лис – менестрелем, Сандра с Тельгой – придворными
дамами. Хоть разумом наш герой воскрес, но восстано-
вление шло медленно. Особенно это касается меня, красивой.
Хорошо хоть после «величественной владычицы», «вашего
величества», «благороднейшей королевы» и «божественно-
го ангела, спустившегося с небесных чертогов» я опустилась
до простой и незамысловатой «светлости».

А еще его всячески коробило одно слово – Лео. Леонида,
Леонесса, Леопольдина, Леотта, Леандра – какие только ва-
рианты писарчук не предлагал, чтобы приличествующим об-
разом удлинить мое имя, как и полагает высокородной даме,
и навсегда избавиться от неприличного обрубка, приставше-
го ко мне, словно банный лист. Иные были очень даже ниче-
го; какие всякий раз наводили на размышления: а всё ли с

ним в порядке? а некоторые единственно пробивали народ на ржаку, например: Леониссия ван Стуро-руро-Цириополь, герцогиня Монтаниадо делла Пинетья. Как вам?

Не вполне оправившийся от потрясений Джанкарло выдавал иногда отменные перлы.

Но я упрямая и не сдаюсь. Я – Лео. И всё.

– Ладно, – смягчаюсь. – Покажи, что ли, что ты там накарябал об убиенных нами монстрах.

Так-так, посмотрим. Латинизмы, громоздкие обороты, академичный стиль. Что ж, бестиарий выглядит более-менее уместно. Отдам ему на растерзание этот жанр литературы – описание местной фауны. Благо, тут есть где развернуться, уж поверьте. Да и не помешает некоторая систематизация, ведь я же заделалась ведьмачкой. А что за ведьмачка, ни шиша не смыслящая в монстрах? Нужно классифицировать, и тут Джанкарлов литературный талант как раз к месту. Да и душеньку отведет парнишка.

– Хорошо. Пусть будет так.

– Но мемуары, ваша светлость – позволив себе скупую улыбку, говорит Джанкарло. – Как ваш летописец

– Мемуары оставлю себе, – отрезаю я.

– При всем уважении, милостивая госпожа Лео, ваш стиль, как бы выразиться помягче

– Говори, говори, не бойся.

– Это больше похоже на гавканье. Все эти словечки; неприличные выражения; странные остроты; короткие и гру-

бье, как удар в челюсть, предложения Это не мемуары героини наших дней. Это – ругань, пошлая и низменная, недостойная как вашего ума, так и вашей красоты. Тут нет изящества, нет тонкости, нет возвышенных чувств. Кто это будет читать? Смею предположить, что потомки, если, конечно, они смогут когда-нибудь ознакомиться с вашими воспоминаниями и приобщиться, так сказать, к великим деяниям, будут однозначно шокированы.

– Всё сказал?

– Прошу прощения, ваша светлость, если задел ваши чувства. Я был бестактен, но вместе с тем выражал свое искреннее мнение, как и подобает верному слуге

– О своих приключениях я напишу сама. И точка.

– Но вы же сами говорили, что вам некогда.

– Тогда их напишет Георг.

– Георг? – вскидывается Джанкарло. – Но

– Что «но»?

– Я промолчу, с вашего позволения.

– Вот и порешили, – ставлю точку со злорадной усмешкой.

– О моих подвигах напишет Георг.

– Вы совершаете ошибку, госпожа Лео.

Пожимаю плечами.

– Все мы ошибаемся.

– Смею вас заверить, я сделал бы это не в пример лучше.

– Я уже убедилась в этом. Чего моргаешь? Давай-ка я прочитаю тебе что-нибудь из твоего эпика. О, а тут и далеко

ходить не надо. Вот первый же отрывок: «у входа в пещеру, чуть левее каменного выступа, похожего на уродливо вытянутую губу, наводящего на мысли о покрытом мхом сказочном великане из сочинений знаменитого дона Прокопо Ла Ле Лесбийского нет, Ластбрийского, самом известном и особо почитаемом ученике Кастора Мудабва Мудраба Мудда» тьфу ты! К дьяволу его! Так, где я остановилась? А, вот! Короче, там «росла ель, по виду старая, с морщинистой узловатой и покоробленной корой, по которой в изобилии расползлась синевато-серая парша» бла-бла-бла «нижние ветви, дугообразно изгибаясь, тянули свои обнаженные члены» – однако! – «к свету, столь скупому в этом тенистом мрачном месте»

– Ну, возможно тут я переборщил с описательской частью. Но единственным моим желанием было в точности воссоздать

– Твое дело – монстры, – не терпящим возражений тоном говорю я. – И точка. Усёк?

– Как вам будет угодно.

Эх, ну почему у меня нет Лютика?

Итак, мы подрядились убивать монстров за деньги. Вернее, за харчи, теплые вещи, оружие, предметы обихода и прочие плюшки, облегчающие нашей маленькой братии жизнь. Деньги тут – мусор, а от золотишка с серебром идет нехороший душок. После всех наших злключений иметь в загашнике ребисовы трансформации совсем не хочется.

Обитаем по-прежнему в бывшем убежище Урты. Я назвала наше логово Дун Карраг. Что это означает? А фиг его знает! Но звучит прикольно – с этим все согласились.

Состав наш не изменился – вышеназванные, да Кошич, предпочитающий отсиживаться у себя. От Дантеро с Уртой ни слуху, ни духу. Жаль, по красавчику я уже скучаю. Да, подлец, и что с того? У всех нас рыльце в пушку, а грехи надо прощать, если хочешь, чтобы простили тебе. Надеюсь, они вернутся.

А пока я натаскиваю свою маленькую гвардию. Живем ведь не на Карибах, а среди монстров, так что придется всем накапливать мышечную массу, тренироваться, фехтовать и обучаться стрельбе из лука. Тут я непреклонна. Всё по расписанию, нечего задницы мозолить.

Искусство стрельбы из лука очень хорошо поддалось Тельге. Тут ее учителем заделался Пегий – первый и до сего момента единственный стрелок. У них странные взаимоотношения. Оба почитают друг дружку как-то по-особому. Словом, Тельга херачит из лука наповал. В первый раз такое вижу. Дриада – так я ее называю.

Суровая девчуля, эта Тельга. Нелюдимая, неразговорчивая. Общий язык нашла только с Кошичем, как ни странно. Эдакая снежная королева. О своей прошлой жизни предпочитает не распространяться. Замкнулась. Я пыталась Кошича расспросить, о чем они там болтают, но куда там!

– Это не моя тайна, Лео, – вот и весь ответ.

Зато в деле осваивания боевых навыков наша дриада очень скоро перегнала всех. Мечом наловчилась махать весьма сносно, рукопашку осваивает – наши спарринги имеют регулярный характер. Бег, силовые упражнения, отжимания – полный комплект каждый божий день до седьмого пота. Тельга делает это с какой-то роковой сосредоточенностью. Не иначе я вдохновила ее на сии подвиги. Понятно, что желающих приударить за ней не нашлось, хотя Чош какое-то время пытался.

– А чего отстал? – поинтересовалась я у него как-то.

Чош почесал бороду и ответил:

– Вот ты, Лео – огонь. Огонь обжигает, но ведь притягивает, черт меня подери! А она – лед. Разницу теперь, надеюсь, понимаешь? Никакого удовольствия. Заглянешь ей в глаза и содрогнешься. Я, кстати, теперь понял, почему Пегий тогда не сотворил над ней своё черное дело.

– И почему? – наивно спрашиваю я.

– Да потому что, кому охота совать свой кхм ну, ты поняла в ледяную пещерку.

Я-то поняла, но мне ведь так хочется поиздеваться над здоровячком.

– Нет, – очаровательно хлопая глазками, говорю я. – Ты о чем? Какая такая ледяная пещера? И что туда совать надо?

– Да ну тебя, Лео! – отвечает Чош, встает и уходит, прихрамывая.

Да, то ранение не прошло бесследно. Но это не сказалось

на его боевых способностях. Разве только стал чуть медлительнее. Тяжелее на подъем. Хотя, он и так не отличался быстротой. Плюс, жирком заплыл, непорядок. Рожа необъятная, бородища – настоящий викинг, мать его! Дуется – гоняю его нещадно, ради его же блага. Хоть и ворчит, но отрабатывает.

Крошка Сандра увы, оказалась бесполезной. Как служанка – прачка, кухарка, всё такое, – ей нет равных. Неутомимая работяга, суетится без продыху. Уют целиком на ее совести. Но стоит ей ступить на типично мужскую территорию – трындец. Начинает ныть и филонить. Воплощенная жена декабриста, готова сносить все тяжести, но как женщина.

Что касается остальных мужичков – тут всё понятно. Постепенно у нас сложился следующий порядок: на вылазки ходим вчетвером – мы с Чошем танчим, Пегий с Тельгой – огневая поддержка. Дастур с Кулем чаще остаются в охране. Кроме кухарства, Куль обнаружил способности к строительству. Ведь лагерь, Дун Карраг, надо расширять и укреплять.

Скромняга Куль, молчун, но незаменимый.

От Лиса никакого толку, Джанкарло кладовщик и летописец. Старина Кошич – мудрец, советчик и вообще добрый дядя, несмотря на кошмарный внешний вид.

Менестрель немного отошел от горестей по Лизэ. Спасибо и на этом, а то его нытье уже порядком надоело. Но вот что я заметила – есть у Лиса грешок. Ничего нового, всего лишь нездоровое пристрастие к горячительным напиткам.

Что далеко ходить, вот пример: однажды мы разжились бочонком вина. Дрянного, но тем не менее. Пропустили по чарочке-другой за ужином, поболтали, погрустили по былым временам, а утром глядь – винца-то нету! Всё вылакал за ночь, подлец. Досуха. Хотела подвергнуть его экзекуции, просто отстегав ремнем по сраке, но пожалела старость. К тому же он был никакой. Наклюкался до икоты и в лёжку на неделю. Его стоны с охами меня выбешивали не на шутку. Едва он оклемался, я пристроила его полотером и дворником со строгим наказом Сандре не жалеть виршеплета-лоботряса. Да, и объявила ему, что отныне он раз и навсегда расстается со спиртным. Так и сказала – хочешь жить, завязывай! Я имела в виду, что алкоголь убивает, но, видать, старик воспринял это по-своему.

И хорошо, пусть боится. Клялся и божился, что ни-ни. Больше ни капли! Ага, так я ему и поверила. Но с тех пор Лис так и числился у Сандры в помощниках.

Кстати, чуть не забыла! Разумеется, сразу после возвращения из достопамятного похода в столицу я нанесла визит к нашему штатному мудрецу Кошичу, чтобы побольше разузнать о Икоче Восхваленном, известном также как Мистерик.

Разузнала. И много чего. Даже слишком. Только информация носила характер исключительно энциклопедический. Проще говоря, Кошич обрушил на мою бедную головушку что-то вроде кодекса чести. Эдакий шнеевский вариант Бусидо. Понятно, что ничего не понятно.

Максимально забубенные ребята, эти шнеи, а Мистерик так особенно. Не успокоится, червь ползучий, пока не сморет оскорбление (до сих пор не пойму, в чем оно заключалось) моею кровушкой. Ну, пусть помечтает, демон. Таки-ми темпами у Мистерики в обидчиках будет числиться весь мир. Чую, дровишек в печку разгорающегося апокалипсиса он еще подбросит.

Так мы и встретили зиму. За это время произошло много чего по мелочи. В город мы больше не совались, небезопасно, да и незачем. Кроме того, шороху мы там навели, а после этого, по всем канонам, надо залечь на дно.

Залечь на дно в Дун Карраге – звучит-то как! Пока наше убежище остается незамеченным. Поверьте, мы неусыпно ведем наблюдения, а я так вообще на регулярной основе прочесываю окрестности в поисках следов. Стала заправской ищейкой, не хуже Геральта вынюхиваю.

Тишина. О нас будто и забыли, что настораживает. Ведь мы перешли дорогу и Мистерику, и князю, будь они неладны. Может, они заняты грызней друг с другом – в Пагорге определенно пересеклись их интересы. А может, вместе ополчились на графа Теоду – в селах болтают, будто он собирает под свои знамена всех здоровых и не подвергшихся мутациям людей.

Выбираемся только на рейды по окрестностям. Далеко не ходим. С горечью наблюдаем за постепенным падением княжества в бездну хаоса. Набеги вампов с их «охотниками на

мясо»; грабительские рейды клутжей – этих бродяг тоже хватает; увеличивающиеся стаи «порченных»; а также отдельные виды боссов, подвергнувшихся самым разнообразным мутациям – этот зоопарк уже никого не удивляет. Села оголяются частоколами, крестьяне вооружаются, либо уходят в горы и леса. Полагаю, немногие выживают.

Тем не менее, какая-никакая жизнь существует. Люди – они такие, ко всему привыкают. Даже к царящей вокруг полнейшей заднице.

Вот тут мы – то бишь наше ведьмачье братство-сестринство – и выходим на белый свет. Действуем осторожно, да и то, предпочитаем наиболее отдаленные от центра поселения. Ни к чему афишировать свои подвиги. За это время кое-какую славу мы заработали, печальную в том числе. Негатива, кстати, больше. Плюс народ чаще подозрительный, и откровенно говоря, недалекий.

Теперь я понимаю разницу между кино и реальностью. В реальности всё гораздо тяжелее. Чтобы не быть голословной, приведу несколько характерных историй.

Глава 2. Волчья

Глотка и ее обитатели

Чем дольше я общаюсь с Пегим, тем больше он меня занимает. Бывает так, что при первой встрече с человеком думаешь: ну и урод! ну и псих! ну и – далее по списку. А потом в нем постепенно начинают проявляться скрытые черточки характера, и вот ты уже удивляешься: и с чего я взяла, что он такой-сякой? С Пегим примерно так и обстоит дело. Очень скоро я преисполнилась уверенностью, что он далеко не простолудин, в отличие, скажем, от того же Чоша, происхождение которого не вызывает ни капли сомнений. Проблема только в том, что Пегий ни в какую не идет на откровения, продолжая старательно изображать из себя конченого.

Ладно, думаю, я тебе не мать Тереза, чтобы мне изливать душу, но внешность надо менять. Что люди подумают, глядя на нас? Я имею в виду нашу боевую троицу, сложившуюся после того, как Дастур выпал из нее по причине, уже обозначенной. Крушитель черепов и истязатель под предводительством ведьмы. Ведь всем известно – рыжие и красивые точно запанибрата с безглазым.

Себя-то ненаглядную я облагородила по своему усмотрению (об этом позже), Чош пусть так и останется берсерком, а вот с Пегим что-то надо делать. К тому же он тоже зарос,

только в отличие от Чоша, густо и brutally покрывшегося жесткой бородищей, у этого на щеках красовались пучки редких волосенок, придававшие ему еще более неоднозначный вид. Мы-то к нему привыкли, а вот на вылазках люди смотрят косо.

Долго думала, что с ним делать, советовалась с девоньками, но так и ничего в голову не пришло. Да и что тут придумаешь – мало того, что обитаем у черта на куличках, так еще и в средневековом упыропокалипсисе, если позволите.

Однако, кое-что всё же сделать удалось. Заточив, насколько это возможно, один из ножичков, я сама сбрила Пегому его дрянную поросль, оставив усы. Такие, как у ковбоев. Он, конечно, сопротивлялся, но, если я что удумала, от меня просто так не избавиться.

Результат – вполне ничего. Осталось поработать над его осанкой и манерой речи. Не скалиться, не шипеть, не горбиться.

Две недели противостояния, и вскоре на смену Носферату пришел крайне необычный гибрид ковбоя из дикого запада и опустившегося аристократа с явными садистскими наклонностями. М-да, лоск маньяка из него никак не вышибешь.

Ну, хоть так. К чему, в итоге, мои старания приведут, мы скоро узнаем.

А я задалась целью окончательно истребить в себе следы канувшего в никуда двадцать первого века. Оставив рыжие волосы, срезала полосу в несколько сантиметров с левой сто-

роны. Еще я завела привычку обвязывать вокруг головы кожаный шнур – мера практическая, чтобы усмирить мои буйные локоны и не дать челке закрывать глаза. Вкупе с двумя кольцами-сережками из червленого серебра, неожиданно подаренными мне Кошичем, я стала выглядеть как заправская атаманша. Не хватает только парочки пистолетов за поясом, ну да ничего, это дело наживное.

Сережки эти непростые и еще сослужат мне добрую службу, а пока скажу, что они выглядят потрясно – грубой чеканки, с тонкой вязью рун по всей окружности. Кольца Саурана на ушах. Понимаю, есть в этом что-то цыганское, но только на первый взгляд. Здесь, в этом богом забытом краю, я с ними выгляжу вполне себе аутентично.

Содержание рун пока остается загадкой, как и то, откуда у него эти игрушки, и для чего он берег их. Единственное, Кошич заверил меня, что ничего плохого в них нет. Наоборот, это своего рода оберег.

Ладно, я отвлеклась.

Спустя пару недель после приключения в той деревушке, где верховенствовал Петро, уже глубокой осенью, в морозный сухой денек мы отправились в противоположную от тех краев сторону. Втроем. Пешком.

Есть ли там какие населенные пункты, мы не знаем. Они, конечно, существовали, до недавних пор, но ведь по соседству каменоломни Одна из причин, почему мы не решались идти в том направлении, как раз в этом и заключалась. Но

потом подумали – была не была!

Спустя два дня мы набрали на поселение, живописно раскинувшееся на склонах гор. Крепкие бревенчатые дома, мостики, подпираемые шестами, три полуразвалившиеся сторожевые башенки в самых высоких точках, и порожистая речушка, пробегающая в самом низу ущелья.

Я сразу обратила внимание на крепкий забор с вышками с только одной стороны, с северной (мы явились с юга, где была простая оградка из прутьев).

Деревня звалась Волчьей Глоткой, а местного старосту (тут его именовали шультёйком) – Вóлож.

Волож был кряжистым деловым дядькой, на досуге подрабатывавшим самогонварением. Он ходил в меховом жилете, валенках, постоянно хмурился и во владении его водилась конюшня с двумя десятками лошадок – таких же приземистых и крепких, как и хозяин. Что за порода, не знаю, но они отлично приспособлены для горных переходов.

Нам бы такие точно не помешали.

Кроме того, у Воложа, как и у всякого порядочного семьянина, имелась жена, трое сыновей и дочка-лапочка, едва-едва вошедшая в возраст.

Нас встречают неприветливо. Я бы сказала – очень даже неприветливо. А местные не чета грязнулям из Жури (или Дури). Местные – парни высокие, статные и вооружены мечами и топорами. Когда мы говорим, что промышляем истреблением чудищ, что мы, дескать, спецы в данной области,

нас поднимают на смех.

– Идите отсюда, бродяги, пока целы, – отвечает нам де-тина метра два ростом. Почти клон Чоша, только моложе и самоуверенней. И бороды нет, только юношеский пушок. Впрочем, Чош тоже когда-то был таким. Пока я ему не показала, где раки зимуют. Придется и этого проучить.

– Как тебя зовут, дорогой мой? – интересуюсь я.

– Тебе какое дело, дрянь? – скалится мне в лицо парень.

Чош сжимает кулаки и делает шаг вперед, но я жестом останавливаю его.

– Понимаю, сначала надо представиться, – подчеркнуто вежливо говорю я. – Итак, мое имя – Лео, а это

– Ты что, дура? – перебивает меня парень. Остальные посмеиваются. – Я сказал: пошла вон и хахалей своих прихвати. Не поняла? Еще повторить?

– Лео, – шепчет мне Пегий. – Покажи им пару приемчиков из своего арсенала, вмиг спесь пройдет. Да и главный наблюдает, надо полагать, выводы сделает. – Пегий глазами указывает на того самого шультейка, о котором я уже упоминала. Стоит на верандочке над нами, смотрит со всем вниманием.

– Мы вообще-то пришли помогать, а не бить им морды, – говорю я. – Да и потом, я тебе что, циркачка, номера откалывать на потеху публике?

– Кто-кто?

– Никто! Не собираюсь я их бить.

– Пока не покажешь силу, – весомо замечает Чош. – Ни-

чего не получится.

– Ну так покажи силу! – злюсь я. – А то, чуть что – так я крайняя. Нашли тоже девку

– Да не вопрос! – говорит Чош, отцепляет ремень, отдает Пегому секиру, снимает стеганку.

– Ты что делаешь, дядя? – насмешливо интересуется парень.

– Я один, – говорит Чош, засучивая рукава, – против вас всех. Побьемся на кулаках. Сколько вас тут? Пятеро? В самый раз! Ну?

– Спятил, дядя? Ты бы хоть рыжую на подмогу взял, она хоть часть оплеух на себя возьмет! А там ребятки и вообще на нее переключатся, за округлости потрогают, на сеновал отведут

– Нет, это будет нечестно. Вдвоем мы с Лео не оставим вам никаких шансов. Хоть сотню выставляй. А так хоть что-то. Ну? Так и будешь языком трепать, или что?

– Что скажете, ребята? – спрашивает парень.

– Покажи им, Гурк, – смеются его товарищи. – Разбей ему шнобель и пусть катятся, откуда пришли.

– Гурк, вот как тебя зовут, – говорит, принимая боевую стойку, Чош. – Меня – Чош. Побьемся, Гурк!

– Ты сам напросился, дядя!

Моими стараниями Чош очень даже неплохо поднаторел в умении махать кулаками. Мог бы и с Емельяненко потягаться в лучшие Федины годы, говорю со всей ответственностью.

Но эпичного боя не случается. По причине всё той же: насколько я могу судить, исторически драка на кулаках здесь ограничивается бесхитростным забоем противника. Сила – наше всё. Бездумный напор характеризует тебя как отчаянного смельчака, а всякие там хитрости – для трусов.

Так и воспринимают мужики защитную стойку Чоша. Его увороты и отскоки вызывают у них прямо-таки конский смех.

– Точно так и моя уворачивается, когда я хочу засанда-
лить по ее дурной роже, – усмехается Гурк.

– Ага, – отвечает здоровячок. – А вот так она умеет?
и вырубает противника с двух ударов: по печени, а следом – в челюсть, вернее в скулу. Замечаю, что Чош двигает Гурка аккуратненько, приложив не с корпуса, а просто махнув кулаком – ни к чему калечить потенциальных клиентов. Но и этого вполне достаточно.

Падает Гурк очень громко. Стонет. Мгновенно воцаряется тишина. Местные так и разевают рот, ибо им явно невдомёк, что оказывается можно так просто вывести из строя противника – два быстрых и точных удара в самые болезненные части тела.

– Что встали, дурни? – раздаётся зычный голос шельтейка. – Отделайте его, раз сам просит!

Повинуясь приказу, остальные наваливаются толпой. Никакой тактики, только свирепость. И это им только вредит, так как они банально мешают друг другу.

Первого Чош бьёт окованным стальной пластиной мыском сапога по голени. Примитивный, но крайне эффективный прием – когда тебя херачат по косточке таким сапожищем, боль просто адская.

Следующего Чош встречает плечом, отталкивает, и пока тот пытается удержать равновесие, вышибает из него дух ударом в живот. Третий просто перелетает через вовремя пригнувшегося здоровяка и хлопается спиной о каменистую землю. Последовавший за этим стон ясно свидетельствует, что посадка прошла не по плану.

Последний, самый здоровенный и толстый, тупо решает пободаться с Чошем. Решает, представьте себе, ухватить его и задушить. Или ещё что, я, если честно, не поняла, что за маневр такой – двигаться на неприятеля как танк с распахнутыми руками. Заключить его в объятия и задушить?

Чош просто всаживает ему по яйцам. На дебильный прием – соответствующее противодействие.

Отлично! Я довольна. Видно, что здоровячок бился с расчетом, контролировал себя, наблюдал, думал. И не затягивал – вот что главное.

Уроки не прошли даром. Минута и пятерка корчится от боли.

Шультейк мечет молнии. Неизвестно, куда привела бы нас демонстрация нашей силы, если бы не супруга местной головы. Степенная матрона выплывает на веранду, окатывает нас холодным взглядом, чуть задержавшись на мне, и что-то

шепчет побагровевшему муженьку. Он огрызается, но женщина стоит на своем.

– Ладно, – скептически глядя на постепенно приходящих в себя бойцов, говорит шультейк. – Поговорим, раз так они хотят.

Пару минут он хмуро разглядывает нас, стараясь не задерживать взгляд на мне. Ага! – женушка втайне держит его под контролем, понимаю. Правильно, нечего на красоток пялиться!

Бедный мужик.

– И чего вам, можете повторить? – удостоив собственных гвардейцев отдельного, весьма красноречивого взгляда, спрашивает шультейк.

– Может сначала познакомимся? – предлагаю я.

– А может помолчите, барышня? – холодно говорит он и поворачивается к Чошу. – Лучше я потолкую с вашим э вожак.

Чош, застегивая стеганку, ухмыляется. Пегий скучающе осматривает местность.

– Вообще-то вожак – это я, – говорю я. – Меня зовут

– Да ну? – вскидывает бровь шультейк.

«Если они еще раз перебыют меня – начинаю я закипать и сразу осаживаю себя: – так, спокойно, спокойно, не кипятись, Настюха то есть Лео».

– Вообще-то, Лео и правда как бы главная у нас, – говорит Пегий. – Так что, хотите вы этого или нет, толковать надо с

ней.

– Вот как? Интересно, интересно. Ну хорошо, хорошо, – шультейк поворачивается ко мне: – я вас слушаю, сударыня, внимательно слушаю.

Конечно, такой вызывающий шовинизм неприятен. Особенно от этого подкаблучника, как его там С другой стороны – в таком времени нахожусь. Придется добывать уважение кулаками. Как всегда.

– Еще раз повторяю, – терпеливо начинаю я. – Мое имя – Лео, а моих спутников – Чош и Пегий. Мы убиваем чудовищ, кровососов и всякую такую нечисть за вознаграждение. Наградой могут быть как провизия, так и оружие, предметы быта, одежда – зависит от объема работы и того, насколько она опасна. Деньги, золото и всё такое не принимаем. Исходя из этого мы интересуемся: есть ли у вас вышеозначенные проблемы, господин простите, как к вам обращаться?

– Волож, – недовольно отвечает голова. – Шультейк Волож.

– Очень приятно, господин шультейк. Я прошу прощения за то, как мой товарищ обошелся с вашими парнями, но некоторая демонстрация всё же была необходима, я полагаю. Итак?

– Скажи ей, отец! – все еще корчась от боли, говорит Гурк. – Пусть эта рыжая сучка лезет в логово к чертям, раз так хочет! И прихвостней своих прихватит с собой!

Мы оба смотрим на пылающего злобой Гурка, отец немно-

го озабоченно, я – равнодушно.

– Я бы сказала, ваш сын немного невоспитан, вы не находите?

– Не ваше дело, – огрызается шультейк.

– А еще я бы сказала, – упрямо продолжаю я, – что ваш сынок поколачивает жену и вообще крайне неучтив, груб и непочтителен даже с вами. Вон, поглядите – как он на вас смотрит. Во злыдень-то!

И я показываю Гурку язык. Батя пытается жестом укоротить пышущего яростью отпрыска, но тот мало обращает на него внимание, прожигая меня огненным взглядом.

Так, одного недруга я все-таки заимела.

– Язык твой, – шепчет мне в ухо Пегий, – враг твой.

– Отстань!

– Ежели вы такие умные, – говорит шультейк, – то извольте – работенка есть, значит. Идемте с нами. Гурк! Собирай людей!

– С псами?

– Ну конечно с псами, а как иначе? Следуем к перевалу, покажем этим как там вас покажем им, где черти обитаются.

– Обговорим награду? – оживляюсь я.

– Ох, какая вы прыткая, сударыня! Может, сначала взглянете на работу? А?

– Идет, давайте посмотрим.

По дороге замечаю несколько стреноженных коней, о которых я уже упоминала. Их обтирают соломой бабы. Тут же

конюшня.

«Лошадок – вот что надо у них выпросить, – воодушевляюсь я. – Вот их нам не хватает».

На высоте метров двадцать громоздятся развалины башни. Около нее – сухопарый мужик в потертой кожаной куртке, с высоченным посохом в руке. Глядит на нас, включая местных, максимально неодобительно.

Упираемся в массивный деревянный забор с вышками. Забор заходит на склоны. На вышках – лучники. Замечаю даже небольшую пушку.

– Позвольте вопрос, господин шультейк, – спрашиваю, глядя на собравшуюся толпу из пары десятков хорошо вооруженных людей с псами на поводках. – От кого защищаетесь?

– От чертей, от кого ж еще! – отвечает Волож.

– Что, доставучие твари?

– Не то слово. Лютые! Еще какие лютые! Исчадия адовы! Проклятие на наши головы! Я погляжу – уже поджилки трясутся? Понимаю, понимаю. Еще не поздно уйти. Подумайте, сударыня – куда уж вам тягаться с ними. Мы тут чуть ли не ганзу снарядили по всем правилам, и то просачиваются, стервецы! Стоит под руку попасться стае – пожирают на глазах! Только косточки и остаются. Ну что?

– Сначала взглянем поближе, а вы мне по дороге расскажете, с кем имеем дело.

М-да, тут посерьезней враг будет, нежели в противопо-

ложной стороне. Черти – это бывшие каторжане из каменно-ломен. Куча грязных голых полузверей-полулюдей, судя по цветастым описаниям. Передвигаются как обезьяны – опираясь на все четыре конечности, в основном кучей. Быстрые, злобные и вечно голодные. Последние месяцы здесь только и делают, что пытаются выжить, и удерживает население осознание того, что бежать-то некуда.

Час ходу, и мы приходим к тупику. С трех сторон скалы. Небольшая площадка завалена строительным мусором – лопаты, кайла, заступы, тачанки, – вдали, в темноте виден обрушившийся вход в шахту.

Мы встаем на возвышенности, огороженной частоколом. В центре – следы костра.

– Когда-то здесь была выработка, – говорит, кивая на шахту, Волож. – Нынче – это логово чертей.

– Что здесь добывали? – интересуюсь я.

– Уголь, в основном. Попадался и ребис. А недавно, – вот этим летом, – туда забрел какой-то странный типок. Колдун не колдун, не знаю, сам не видел, говорю с чужих слов. Может, и бродяга какой, кто его разберет. Но подлец девку у нас увел.

– Девку? Как так получилось?

– Да вот так. Меня не было в тот момент в деревне, поэтому точно сказать не могу. Остановился он на ночлег у Кобы. Это наш местный каменщик, живет на отшибе, в одной из сторожевых башенок. Коба рано овдовел и в одиночку вос-

питывал дочку, Золотку.

– Золотко? – Вспоминаю мрачную физиономию мужика с посохом, стоявшего у башни. – Это имя такое?

– Да. Вот тот тип и отблагодарил за приют тем, что увел девку.

– Она сама с ним сбежала?

– Скорее всего. Бедовая была. Слабая на передок. Вот и спуталась с заезжим алхимиком, или кем он там был. Плюс папаня дочку

– Бил?

– Да, бил. Нехороший он человек, Коба, хоть и нужный. А опосля той беды так вообще спятил. Сидит у себя в башне, как черный ворон, зыркает на нас и только проклятиями осыпает. Дескать, это мы виноваты в том, что случилось. Однако с тех самых пор пошло-поехало. Вход-то мы завалили, да черти лезут с другого места. Показать с какого?

– Показывайте.

– А вон оттуда. – Волож указывает пальцем на почти отвесную скалу.

– Где, не вижу?

– Вон дыра, видите? Да вон, вон! Видите – чернеет клякса?

Вот же сукин сын, этот шультейк Волож! Отверстие, из которого вылезают «черти», находится на высоте метров пятьдесят.

– Вы это серьезно? – ошалело спрашивает Чош. – И как

мы туда полезем? Не, Лео, плохая это затея.

– А я говорил, – лыбится Волож. – Я говорил ведь? Говорил.

– Лео, пошли отсюда, – кисло говорит Чош. – Куда мы в нору к каким-то дьяволам полезем? Там их, наверное, тьма! В задницу их, Лео! Это ж верная смерть, Лео!

– Вам бы пересмотреть, так сказать, главенство в вашей братии, господин Чош, – говорит Волож. – Баба-то, не всегда головой думает На то она и баба! Одна дурь в голове! Дурь и похоть! Хе-хе!

Все открыто смеются над нами. Смейтесь, смейтесь, дурни! Плохо вы меня знаете.

– Как часто они вылезают? – деловито интересуюсь я, не обращая внимания на охватившее местных веселье.

– Начинается, – вздыхает Чош.

– Кто вылезит? – не понимает шультейк.

– Как кто? Черти. Как часто выходят?

– Да когда как. Вот уже с неделю не было. Иногда почти каждый день нападают, иногда затихают то на несколько дней, а то и поболее. Однажды прятались почти две недели.

– Отлично, – говорю я. – Я иду туда, вы здесь остаетесь и ждете меня.

– Чего, чего? – изумленно переспрашивает Волож.

– Я иду на разведку, вы с моими людьми остаетесь. Понятно?

– Ага. Тебе что, несчастная, жить надоело?

– Если мы решим вопрос с «чертями», вы отдадите нам трех лошадок, – вместо ответа говорю я. – И кое-какое оружие. Идет?

Дружное ржание. Я терпеливо жду, пока они успокоятся. Чош мрачно усаживается на камень, Пегий украдкой посмеивается.

– Ну? – спрашиваю я.

– Что «ну»?

– Я озвучила условие – согласны вы, или нет?

– Трех лошадок? Оружие? А у тебя губа не дура, сударыня.

– Говори, согласен, или нет?

– Да хрен с тобой, ненормальная! Согласен!

– Скрепим?

– А чего не скрепить!

Я плюю на ладошку и протягиваю ему. Шультейк делает то же самое и пожимает мне руку.

– Вы все свидетели! – говорю я. – Договор заключен. Я пошла, мальчики, не передеритесь тут. И будьте начеку, нечего ворон считать. Я скоро, ждите.

– Еслиждемся, – усмехается Волож.

Чош плюется. Волнуется за меня, как мило!

Глава 3. Проститься с премерзким монстром

Бес похотливый (*daemon stupros*), он же чёрт. По Лео – го-блин (от *gobelinus* – бес? неясно). Плотоядные звероподобные существа. Применимо к этому виду скорость мутаций поражает всякое воображение. Чрезвычайно быстро плодились с помощью матки – ужаснейшего монстра, коих свет еще не видывал. Матка имела столь чудовищно раздувшееся тело, что по поводу сего невероятного факта впору привести слова небезызвестного комедианта Лебра Барсикало: «*Ventrem omnipotentem vidi!*»^[1]

D. s. имели примитивную иерархию, как у всякого социального животного – воины, защищающие логово, охотники, добывающие еду, слуги, обслуживающие матку, трутни, оплодотворяющие ее, и детеныши.

Из-за плодовитости часто возникала нехватка ресурсов, поэтому практиковался каннибализм. Часто матку кормили ее же выводком.

Так же имели специфическую особенность – периодически отдельными группами, а то и все вместе, впадали в некое подобие летаргии. Длительность сего странного явления колебалась от нескольких часов до месяца. Hypothesis: нехватка еды?

Конкретно данный вид сформировался, *primo*, после известных событий в замке Палта Баля, *secundo*, невероятные уродства – результат нечестивых экспериментов безымянного алхимика, найденного там же мертвым.

Nota bene: Лео утверждала, основываясь на увиденном в логове, что *d. s.* – результат скрещивания крыс с людьми.

Explicatio. Название *чёрт* прикрепило к многим разновидностям, обитающим в окрестностях каменоломен. Посему, дабы не вносить путаницу, чувствую настоятельную необходимость выделить особи, встреченные Лео в шахте близ Волчьей Глотки, в особый подвид, который, с вашего позволения, я озаглавил, как *бес похотливый*. Понимаю, название не совсем точно передает суть существа, но найденные записи алхимика, способствовавшего стремительной, по меркам мироздания, эволюции *d. s.* из людей в нечто совершенно невиданное, необычайная плодовитость и значительный, при том, регресс интеллекта подтолкнули меня на такое наименование. Можно было бы назвать его, к примеру, *daemon communitas*, но к таким гнусным видам столь благородные наименования никак не подходят.

Джанкарло Руис Руидоло. «Bestiariodegloriosa, или новая физиология»

[1] *Ventrem omnipotentem vidi!* – всемогущее чрево узрел!

Подъем оказался не таким трудным, как казалось издали.

Тут даже имелись примитивные ступеньки. Ну, или это мне так кажется. Обычному человеку, конечно, придется непросто. Иногда я забываю об этом. Легко быть супершей! Человеком — нелегко.

Без труда вспорхнув к отверстию в скале где-то полтора на два метра, замираю, прислушиваюсь. Да, внутри кто-то есть. Сопит, кряхтит, почесывается, бормочет. Слышно и так, не нужно никакого транса. Быстренько прикидываю, как быть. Со мной кинжал и бастард. С полуторником в таком узком помещении не развернешься. Придется его класть на землю, пускать в ход кинжал, а потом подбирать меч и двигаться дальше.

С бастардом вообще беда. Штука хорошая, но ножны, увы, отсутствуют, новые изготовить не удалось, хотя мы с Чошем и Кулем старались. Вот я и оборачиваю его тряпицей, вернее полоской ткани, и ношу с собой в руках или под мышкой. Неудобно. Колхозить завязочки, чтобы он болтался на поясе, или, по подобию Геральта, носить на спине. Если честно, и так и так — неудобно. В первом случае — о твою ляху долбитя увесистый железный дрын, в другом случае вообще неудобняк — не разогнуться, не согнуться, а с завязочками так просто в пылу боя не вынешь. А чтобы сунуть обратно, надо целиться, или снимать конструкцию со спины. Опять-таки, все упирается в ножны. Нравится мне этот меч, но надо бы добыть что-нибудь покомпактнее. А у Воложа и его шайки такие клинки есть. В идеале еще бы разжиться

стилетом – превосходная вещь!

В общем, я расчехляю Фнуфтов клинок, тряпку за пояс, кладу его на землю, лезу. В ноздри ударяет вонь немытых тел, испражнений, гнилого мяса и всего такого, но я уже научилась не обращать на это внимание, хотя амбре для моих усиленных, по сравнению с обычным человеком, рецепторов – испытание не из легких.

Глаза быстро привыкают к полумраку, дыхание выравнивается, многочисленные звуки, в первые секунды лавиной обрушившиеся на меня, систематизируются. Я ползу максимально тихо и уже понимаю, что у входа находятся трое. И они спят. Весьма беспокойным сном, как будто их вши кусают. Может, так и есть, кто его знает. Блин, самой бы не подцепить.

М-да, хороша охрана. Уж чего-чего, а от «исчадий адовых» такой беспечности я не ожидала. С другой стороны, кто в своем уме полезет сюда? Не считая меня, конечно.

Преодолев проход, мягко, по-кошачьи, спрыгиваю в пещеру. Первому кинжал в шею; второму – такой же подарок; третьего, успевшего разлепить глаза и осоловело уставиться на меня, выбиваю дух ударом в живот, затем контрольный тычок кинжалом в яремную вену – вот и ликвидирована охрана. Получилось бесшумно. Спецназ в действии! Как там мой якобы ненастоящий папаня говорил? «Ребята, чистим!»

Складываю их аккуратненько в рядок. Беру меч, осматри-

ваюсь.

Во-первых, с кем имеем дело. С гоблинами. Нет, ну честное слово. И даже кожа зеленая. Хотя я хоть и хорошо вижу, но ведь вокруг тьма, и все краски – это не более, чем игра воображения, дополняющая реальность, чтобы легче ориентироваться. Как-то так это работает. Прикольно, кстати. И мозг мой вообразил всё в кроваво-красном цвете, смешанном с горчичным, серым, черным и коричневым цветами. Адский сюр. Кишка дьявола, или, как тут говорят, безглазого. Неприятно, но тут есть какая-то гармония с осязанием. И в том и другом случае – картина не очень приятная. Мягко говоря.

Ладно, я увлеклась. В общем я вижу людей, только сильно мутировавших. В их облике есть что-то крысиное. В пасти – угрожающих размеров клыки. Не удивлюсь, что они скрестились с ними. Ростом до полутора метров, горбатые, почти голые, если не считать лохмотьев, с удлинненными конечностями и судя по мордам – с примитивным интеллектом. Оружия, если не считать острых когтей, нет.

Далее осматриваю помещение. Это бывшая шахта, о чем уже говорил Волож, только с кучей ответвлений, видимо вырытых гоблинами. Настоящий лабиринт. Что ж, раз я сюда влезла, надо идти вперед. Как бы не заблудиться.

Иду, крадучись. Куча однообразных, переплетающихся друг с другом проходов, пересекающихся с шахтерскими тоннелями. В тоннелях еще остались брошенные инструмен-

ты, ящики с углем и прочее. Иногда попадаются спящие кры-солюди. Валяются прямо на земле, посапывают, пуская слюни. Не трогаю их. Пусть дрыхнут.

Чем глубже и ниже я забираюсь, тем явственнее слышу странные звуки: какое-то чмоканье, возня, пыхтение, даже не знаю, какие слова подобрать.

Вскоре оказываюсь в тоннеле с костями. Это явно следы пиршества гоблинов. Понятно, едят всё подряд – и животных, и людей. А почему в спячку валятся? Организм, из-за нехватки ресурсов уходит в анабиоз? Что-то странное. Ясно одно – это уже почти сформировавшийся социум, если можно так выразиться.

И тут я замечаю дверь. Она заперта. Изнутри. Интересно, чтобы это могло быть? Помещение, где отдыхали рабочие? По любому надо проникнуть внутрь. Но как это сделать, не поднимая шума? Вышибать – не вариант, вся свора тут же сбежится.

Дверь сколочена из досок, между ними – щели иной раз с палец. Просовываю кинжал и приподнимаю заслонку. Вот так просто. Захожу.

Однако! Я в комнате, где обитал алхимик. Даже топчан имеется. Он, кстати, еще здесь. Точнее его уже высохший труп в углу. Наверное, в какой-то момент не нашел ничего лучше, как отгородиться от своих же созданий. Так и помер, бедолага. Основываясь на опрокинутой колбе рядом, предполагаю, что алхимик покончил с собой, приняв яд.

Самодельные шкафы со склянками, колбами и ретортами, бочонки с дурно пахнущим порошком внутри, алхимическая печь. Интересно, как он работал – никакой вентиляции и в помине нет.

Плюс ко всему тут имеются лопаты, ломы, кирки, куча ветхого тряпья, кастрюльки, ложки. Если не ошибаюсь, изначально это была каптерка. Стол, заваленный полуистлевшими бумагами, монетами и так далее. В бумагах ничего такого – схемы, надписи на проклятом псевдолатинском, руны, рисунки чертей и уродов. Среди них один – рисунок девушки. Красивой. Ко всему прочему, алхимик был неплохим живописцем. Ни дневников, ни записей, ничего. Беру несколько наиболее сохранившихся (и рисунок в том числе), скатываю в рулон, сую в рюкзачок – он всё еще служит мне! Будет Джанкарло подарочек, пусть разбирается, что и как.

Алхимик в самой обычной робе, безоружный. Кто он, что тут делал – теперь уже вряд ли узнаешь. Никаких подсказок не оставил. Предположу, что именно он уволок Золотко. Интересно, она здесь, или нет? И какие эксперименты безымянный алхимик проводил? Зачем наплодил чертей, что хотел этим добиться? Тоже, как и приснопамятный Рейшо, хотел создать сверхчеловека? Ну, у Блудова алхимика это отчасти получилось. Только благодарности к ублюдку я за это не испытываю.

Итак, наш безымянный алхимик поупражнялся на уже заразившихся каторжанах, превратив их в чудовищ, наводя-

щих ужас на всю округу. А девка зачем? Просто позабавиться между делом?

Гадать можно сколько угодно, но надо идти дальше. Ситуация проясняется, только непонятно, что со всем этим делать. Если рубить – так их много, они ж меня сомнут численностью. А может Опа! А это мысль! В бочонках ведь порохов? Или что-то такое. Так, так, в голове постепенно созревает план.

Выбираюсь из каптерки. Исследую-ка локацию получше.

Спустя минут пятнадцать блужданий по пустым тоннелям, с изредка встречающимися спящими гоблинами, я выхожу в обширную пещеру и вижу

Ох, мне аж подурнело.

Так, надо собраться. Выглядываю еще разок. У гоблинов хватило ума осветить факелами пещеру, так что я рассматриваю всё в ярких красках.

В центре пещеры восседает жирнущее монстрило. Огромная, истекающая слизью туша. И эту тушу кормят гоблины своими же спящими сородичами. Тащат за ноги, за руки, раскачивают и швыряют поближе к пасти.

Королева-матка. На обезображенной харе еще угадываются черты женского лица. Это Золотко, вне всяких сомнений. Она хватает жертву толстенными руками, раззевает пасть и пихает корм туда, переламывая кости и чмокая – вот откуда эти загадочные звуки. Потоки крови стекают по нагромождениям плоти.

Вокруг королевы-матки суется мелкие твари – детеныши. Товарищи постарше вытаскивают из-под складок влажные комки

Продолжать описывать эту мерзость больше не имеет смысла. Это каким же надо быть извращенцем, чтобы в результате своих гнусных экспериментов создать такое?

Надо уходить. Но сначала я устрою здесь взрыв. Благо, порошок в бочонках уж очень смахивает на пороховую смесь. Пахнет, во всяком случае, похоже. Видимо шахтеры пользовались им в своих целях – расширить забой, преодолеть трудный участок.

Возвращаясь, хватаю один из трех бочонков и начинаю работать. Рассыпав немного порошка по тоннелям, кладу его у лаза – пронумерую его, как первый бочонок. Разрываю тряпку, скручиваю, втыкаю в порошок, закрываю крышкой. Это импровизированный фитиль. Еще два бочонка, номер два и три – в комнате с алхимиком. Третий оставляю здесь. Номером два воспользуюсь, чтобы бомбануть к ядрене фене всю эту чертовщину. Только бы самой не остаться здесь, а то бомбану на свою голову.

Пока всё идет хорошо, я предельно внимательна, двигаюсь как можно незаметнее. Взяв бочонок номер два, пристраиваю к нему фитиль, иду к пещере с королевой. Вынимаю из рюкзака огниво, высекаю искру, подношу огонь к тряпке и швыряю прямо в свиноматку. Попала прямо в центр брюха. Она косится на горящий фитилек, хрюкает. Гоблины,

как по команде, оглядываются.

Меня замечают!

Всё, пора уносить ноги! У меня минута максимум, пока не рвануло. Если рванет. Должно, должно! Я уже достаточно здесь освоилась, чтобы достигнуть прохода за считанные секунды. Бочонок, который я приберегла в каптерке, номер три, под мышку, запаливаю оставленный у лаза номер один, в свободной руке – бастард, выползаю, кубарем скатываюсь со скалы, приземляюсь, поднимаюсь и бегу, на ходу крича, как сумасшедшая:

– Что смотрите, идиоты! За оружие, придурки! Сейчас начнется веселье!

Ба-а-бах! Скалы аж сотрясаются. Из прохода, откуда я только что выползла, вырывается столб пыли и дыма. Булыжники, которым присыпан вход в шахту, осыпаются. Мужики на огороженном частоколом пятаке, вскакивают с мест. На лицах – предельное изумление. Я машу им.

– Чего спим? Хватайтесь за мечи, вот же дурни-то! Сейчас сеча будет! Сейчас гоблины повылазят!

Первыми бегут ко мне на подмогу мои – Чош и Пегий. Затем спохватываются остальные.

Как я и предполагала, заваленный вход в шахту тоже не выдержал взрыва и обнажил зияющую дыру, из которой уже начинают выбираться окровавленные, но весьма разозленные гоблины. Вот для такого случая я приберегла последний бочонок. Недолго думая, поджигаю его и кидаю внутрь.

Отбегаю, ложусь – бац! Херакнуло так, что взрывной волной меня отшвыривает прочь. Звук, отразившись от склонов, усиливает настолько, что чуть барабанные перепонки не лопаются. Меня окатывает галькой и пылью с головы до пят. С трудом поднимаюсь, шарю рукой по земле – вот он, верный бастард со мной. Сжимаю его и бреду, спотыкаясь, в густой непроглядной хмари.

Вижу, как бегут мужики, подхватывают меня под руки, оттаскивают подальше

– Ты цела, Лео? – слышу я. Меня видимо слегка контузило – звуки глухие, словно я в танке. Чош бьет меня по щекам. – Цела, нет? Лео? Скажи что-нибудь!

– Да, да, я цела, всё хорошо, – отвечаю я. – Только оглохла чуток. И пыли наглotalась

Осматриваюсь, одновременно выкашливая пылюку. Пыль постепенно оседает. Местные стоят, сжимая оружие, внимательно наблюдают за входом в шахту. Волож нервно покусывая губы, ходит туда-сюда.

– Ты что наделала? Что ты там устроила? – решается он, наконец, поинтересоваться, но вместо меня ему отвечает Гурк.

– Бать, ты только представь! – ошеломленно шепчет он. – Да она уничтожила гнездовье чертей! Целиком! Ты погляди только, бать! Смотри сколько их!

Когда пыль с дымом рассеиваются, взору предстает эпичное зрелище, достойное полотен Гигера с Бексиньским^[1]–

горы трупов, склоны усеяны ошметками плоти и всюду кровянища, кровянища, кровянища.

Да это прям геноцид какой-то. Местные так поражены, что некоторое время молча смотрят на эту бойню. И это всё устроила я одна. Ни хера себе подвиг!

– У них была королева, – нарушаю я тишину, немного отряхнувшись и прополоскав горло пивом во фляжке, одолженной у одного из местных.

– Королева? – отзывается Волож.

– Я думаю, это была ваша как ее там Золотко, вот. Но это не точно. Может и не она, кто его знает. Но тварь плодила чертят со скоростью света. Блин, как вспомню, до сих пор мурашки. До чего же ужасная тварь премерзкая.

Меня кто-то трогает за плечо.

– Ну чего?

Пегий прикладывает палец к губам.

– Что такое? Говори громче, не слышу!

– Помолчи, говорю, – говорит он и кивает себе за спину.

– Я тебе говорил, что язык у тебя длинноват стал?

А там, в метре от нас, стоит, опираясь о посох, Коба. Все оборачиваются к нему. А он смотрит на меня.

– Премерзкая? – глухо говорит он и проходит мимо, переступая через груды мяса.

Черт, неудобно-то как! Правда, что-то я уж больно болтливая стала. С другой стороны – а что такого я сказала? Да, жирнящее слизкое монстрило. Но всё равно, лучше я про-

молчу.

– Ты куда, Коба? – осторожно спрашивает его Волож.

– Там все раскурочено, – говорит Гурк, выходя навстречу из шахты. – А чуть далее – шахта обвалилась. Ты не прой-
дешь дальше, Коба. Никого в живых не осталось, Коба, ни-
кого.

Каменщик останавливается, тяжело опираясь о посох.

– Лео права, – похлопав его по плечу, говорит Волож. –
Может, там и не она была, кто его знает?

– Она, она, – глубоко задумчиво кивает Коба. – Я знал,
что она там. Я чувствовал. Отцовское сердце не обманешь.
Оставьте меня. Уходите.

– Но Подумай, Коба, что ты тут будешь делать? Тут же на-
стоящая преисподняя! Обиталище безглазово! Пойдем, Ко-
ба, помянем Золотко как положено

– Оставьте меня в покое! Дайте мне проститься с дочерью.
Дайте в одиночестве проститься с премерзким монстром.

Потупив взор, подхожу к каменщику.

– Ты извини меня за неосторожные слова, Коба, – говорю
я и протягиваю ему рисунок девушки. – Это она?

Коба дрожащей рукой берет рисунок и тут его нервы сда-
ют. Она плачет. Я обнимаю его.

– Мне очень жаль, – говорю я. – Но теперь она свободна.
Твоя дочь обрела, наконец, покой.

– Где ты это нашла? – спрашивает он. Слезы каплют на
бумагу.

– Там, внутри. В логове алхимика. Пойдемте отсюда, друзья. Пойдем, Коба.

[1] Ханс Рудольф «Руди» Гигер (Hans Rudolf «Rüdi» Giger, 1940–2014) – швейцарский художник, работавший в жанре фантастического реализма. Зджислав Бексиньский (Zdzisław Beksiński, 1929–2005) – польский художник-сюрреалист.

Глава 4. Ласточка

– Друзья! В этот, если позволите, знаменательный день, нам несказанно повезло, знаете ли! – торжественно провозглашает Волож с кубком в руке. – А почему, спросите вы? А потому, что нас посетило, не побоюсь этого слова, благословение пречистого пророка нашего, Лёра Юного! Так позвольте же мне, в этот чудесный теплый вечерок, дорогие мои, провозгласить тост за нашу дражайшую гостью, красавицу, коих поискать, да и не сыскать, воительницу, будто бы пришедшую прямиком с Эпохи Героев, чтобы спасти нас – да, да, именно что нас! За Лео друзья! За Лео, и верных рыцарей ее – господина, значится, Чоша, и господина, простите, как вас там? Пегий? Что за имя такое – Пегий? Прозвище что ли? Ну ладно, пусть будет Пегий. Так, о чем это я? Ага, значит, и за господина Пегого! Выпьем! До дна!

– За Лео! – раздаются голоса. – До дна!

Перед хоромами шультейка расставлены в ряд столы, накрыты белоснежной скатертью. Все яства свелись в итоге к разным видам густых, как подлива, овощным супам, колбас, зажаренных на вертелах окороков и прочим мясным продуктам. Плюс свежевыпеченный хлеб, квашенная капуста, твердые сыры, и густая-прегустая кукурузная каша. Ну и спиртное местного разлива, куда ж без этого.

Местные охотно поедают это едово, крошив в суп куку-

рузу и закусывая бутербродами с колбасой и сыром. И делают это, следует признать, неряшливо.

Народу собралось немало и среди них отсутствует, по понятным причинам, Коба. В основном мужики. Из баб только я, хозяйка по имени Марира – важная и надоедливая матрона, ее дочь Катрин – пухлая розовощекая стеснительная девица, и всё. Остальные, включая жену Гурка, ту самую, которую он, по его же словам, поколачивает, – хмурую худощавую хромоногую женщину – прислуживают нам.

Замечаю, что прекрасная часть селения косится на меня с интересом, но и недоверием в том числе. Типа, что за кобыла такая? Воительница? Да неужели? С каких это пор у нас бабы не просто начали махать мечом, да еще и чудищ уничтожать? Колдовство, не иначе. Глядишь, и на мужиков морок напустит. Надо бы за ней присматривать, а то, кто его знает!

И пока, значит, все бухают, жрут, рыгают, простите, пердят (по ходу, тут такое в норме), веселятся, чествуют друг дружку, хлопая деревянными кружками о стол, расплескивая бражку и проливая ее не только на бороду, но и на пузо, госпожа Марира, полагая себя дамой искушенной и весьма сведущей во всех женских тонкостях, начинает:

– Позволь, милочка, дать тебе пару советов?

– Позволяю, – отвечаю, с подозрением приняхиваясь к мутной тошнотке, кою здесь величаво именуют ульвексиром, то бишь волчьим эликсиром. Понятен ход мысли – раз село зовется Волчьей Глоткой, то и пойло тоже волчье.

По мне, так слишком громкое название для обычной сивухи.

– Послушай меня внимательно, – приосанившись, говорит Марира, – тебе бы надо привести себя в порядок.

– А что со мной не так?

– Святые угодники, ты еще спрашиваешь? Лео, дорогая, не скрою, ты мне понравилась. Но, учитывая с кем ты якшаешься

– Якшаюсь?

– Не перебивай, пожалуйста. Дай договорить. Итак, милая моя, ты должна сменить свое одеяние на более приличествующее девушке в детородном возрасте. – Марира с гордостью указывает на аляповатый сарафан дочери, застегнутый на все пуговики. Вплоть до подбородка. И чепчик на голове – все в лучших традициях пуританского общества, где женщин закутывают с ног до головы, а мужики делают что хотят. Дочь краснеет еще пуще. – Пойдем, переоденемся, я наряжу тебя, как полагается, и представлю самым знатным нашим сельчанам

Отцепляю свое запястье от ее цепкой хватки. Пальцы у матроны мозолистые, грубые.

– Уважаемая госпожа Марира, – начинаю я осторожно, чтоб в очередной раз не сболтнуть ничего лишнего. – Я признательна вам за заботу, но позвольте мне

– Ничего не хочу слышать! – перебивает она меня. В который раз, интересно? – Ты одета неприлично, скажу я тебе!

Посмотри-ка, посмотри – одета в мужские портки – ужас! ужас! Да и манеры твои, голубушка, оставляют желать лучшего. А твои спутники? О! О! Глаза бы мои не видели!

– А что не так в моих спутниках?

– Ты еще спрашиваешь? Не видишь, что ли? Они же, с позволения сказать, отпетые головорезы! Причем, оба. Ты только глянь на них: один уже напился до чертиков, вон, уже и на драки потянуло Ну как дети малые, в самом деле!

Это она о Чоше, который действительно немного перебрал. Как всегда, бывает в таких случаях, надо помериться силушкой. Противостоять ему вызвался тот самый толстяк, получивший смачный слэм между ног. Толстяк тоже пошатывается.

– а другой вообще – продолжает назойливая супруга шультейка, уже начавшего клевать носом.

– Вообще что? – интересуюсь я, раздумывая, как бы избавиться от нее.

– Бесстыдник, вот кто.

К сожалению, ульвексир и на Пегого подействовал не лучшим образом. Он откровенно пожирает глазами Катрин и что-то нашептывает ей на ухо. Катрин, само собой разумеется, смущается, пугается, краснеет и умоляюще поглядывает на родительницу. Настоящая курица без мозгов, честное слово. Улавливаю Пеговы словечки: «герцог», «инкогнито», «Алоизио», «тайная миссия». Что-то новенькое. Вот же подлец, решил хозяйскую дочь охмурить. Хорошо, что у нее ма-

маша такая зануда, надеюсь, кровинушку не проморгает и в обиду «отпетому головорезу» не даст.

Между тем означенная мамаша – между прочим, тоже подшофе, – продолжает без передыха донимать меня:

– Вот, гляди-ка, – она указывает на дедуса с испытанным лицом, – достойный спутник для тебя, милочка.

– Он же старый! И безобразный!

– Зато богатый, обходительный, заботливый. Вдовец – с месяц назад злыдни, которых наши ребята – с твоей, конечно, помощью, – сегодня эхм так доблестно победили, так вот, те злыдни, к сожалению, загрызли его дорогую Аннутку. С тех пор он один и так страдает, бедненький, так страдает. Ты была бы ему хорошей парой, дорогуша.

Богатый, обходительный и заботливый вдовец, икнув, втыкает унылую физию в тарелку с супом.

– Действительно, какой милашка, – язвлю я. – И так страдает, так страдает!

– Ну, раз тебе хочется помоложе, – не обратив внимания на колкость, продолжает Марира, снова вцепившись в меня своей клешней. – Вот, один из моих младшеньких, Гусма. Хороший мальчик, но

Гусма сосредоточенно ковыряется в носу, вытирая соплю о штаны.

– Дурачок? – подсказываю я.

Марира раздраженно хмыкает.

– Тогда вот, – она глазами указывает на потного скуфа со

всклокоченной бородой, в которой, как я полагаю, запутались не только хлебные крошки, но и кое-какая живность.

– Вы смеетесь, что ли?

– А что такого? Курт очень добрый. Очень добрый, просто душка. Он будет тебе ноги целовать Облобызает каждый пальчик

Фу!

– Не сомневаюсь в этом, – отвечаю я, содрогнувшись от одной только мысли о том, как добрый Курт будет слюнявить мои ножки.

– В общем, лапушка, я понимаю, ты устала, – говорит она чуть погодя. – Ты отдохни, поспи – я уже приготовила тебе покои, а завтра мы поговорим, подберем тебе подходящую пару. У нас найдется достойные мужи, ты будешь в надежных руках. Будешь верной женой, будешь за лошадьми ухаживать, детушек рожать, хозяйство вести Станешь порядочной дамой и занятие свое сомнительное оставишь. Непорядок это – щеголять в таких срамных одеждах пред всем честным народом, да еще и с мечом. Нет, нет, милая моя Лео, ты сейчас же бросишь это занятие, а уж я о тебе позабочусь

Я ухватываюсь за предложение поспать и откланявшись, ретируюсь. Пока готовились к пиршеству, я уже успела вымыться – в кадке, на заднем дворе, среди шмыгающих туда-сюда кошек, собак, кур и гусей, – одежду мою почистили, так что можно просто завалиться набок.

Устала немного. Устроившись на кровати, думаю, вот же

приставучая манда, эта госпожа Марира. Хотя, в этом мире, полном предрассудков, такая как я, выше ее понимания. Выйти замуж, нарожать прыщавых отпрысков, убить свою молодость, стоя за плитой и стесывая ладони о грязные трусила муженька с двумя извилинами в мозгу, у которого вся романтика сводится к скоротечному пьяному половому акту темной ночью – сунул на пару секунд удава в щель и вынул, спустив яд.

Нет, такое счастье не по мне. Как проснусь, надаю оплеух паршивцам, чтобы неповадно было впредь бухать сверх меры, берем обещанных лошадок, выбираем оружице, и прочь отсюда!

С этими мыслями и засыпаю. Местные еще долго шумели. Кто с кем-то сцепился. Крики, ругань, возня. Куры кудахчут, кто-то что-то ломает. Посмеявшись, поворачиваюсь на другой бок, забываюсь счастливым крепким сном.

Кажется, только заснула, а уже светает. Так неохота вставать. Поворачиваюсь на другой бочок, намереваясь еще подремать часок, как слышу назойливый стук в дверь.

Марира, точно она. Стоит, душнила, кряхтит. Так и знала – в покое не оставит. Воложа даже жалко.

– Да? – сонно отзываюсь я.

Входит. Вид – крайне недовольный.

– Одевайся, – холодно говорит она, глядя в окно.

– Который час? Рано еще!

– Одевайся, милочка, разговор есть, – повторяет она, раз-

ворачивается и уходит. — Мы ждем тебя внизу. Во дворе.

— Что-то случилось? — спрашиваю я, но супруга шультейка уходит с оскорбленным видом. — Значит, правда что-то случилось, — говорю сама себе, натягивая штаны. — Ладно, посмотрим.

Внизу, в вестибюле сидит и ревет, размазывая сопли по лицу, растрепанная Катрин с одной лишь изрядно помятой сорочке. Мамаша, сложив руки на груди, недовольно смотрит на дочь.

А во дворе, в окружении доброго десятка вооруженных людей, перед Воложем с Гурком стоят на коленях побитые мои, как говорил шультейк, верные рыцари.

У Чоша разбиты губы, на груди, плечах — гематомы, глаз заплыл, у Пегого на теле следы от плетки. Оба уткнули взгляды в землю, на меня не смотрят.

Так вот откуда шум. Это было не веселье, а нечто иное.

— Что случилось? — спрашивая, чувствуя, как у меня стремительно портится настроение.

— Что случилось? — чуть не взвизгивает Волож. — Ты знаешь, что устроили твои дружки, Лео?

— Что? — мрачно интересуюсь я.

— Этот, — шультейк указывает на здоровяка, — устроил настоящее побоище! Ему и так не сиделось, то с одним поборолся, то с другим, а когда, наконец, его кое-как утихомирили, когда уж мы подумали, что всё, заснул молодчик, так он вскочил, схватил дрын и давай все крушить! Весь сарай

разнес! Но ему того показалось мало, он начал курятник ломать – куры разбежались, но большинство он, словно бес какой, убил. Так и приговаривал – умрите, дескать, кровопивцы! Хвать по курёнку – птица вшмятку, а он давай рычать и плеваться!

Чош с виноватым видом глядит на меня и снова опускает голову.

– Пришлось наваливаться на него толпой, еле-еле скрутили. Орал, как безумный, кусался! Вон, Карлу чуть палец не откусил. Вот так за гостеприимство отплатил, супостат! Вот таков твой дружок, Лео!

– А другой что? – еще более упавшим голосом спрашиваю я.

Гурк подходит ко мне и, стиснув кулаки, говорит, а вернее, кричит, брызжа мне в лицо слюной:

– Эта сволочь – Алоизио, или как его там! – он обесчестил мою сестру! Ты слышишь меня? Он – твой друг, так? – обесчестил мою сестру Катрину! С поличным поймали гада!

Мамаша за кровинушкой не углядела, и дуреха попала-таки в загребушие лапы «отпетого головореза». Что ж, в кои-то веки «герцогу» удалось попарить своего дружка. Вот только не в ту дырочку сунул, походу.

– Не кипятись, Гурк, отойди в сторонку, – говорит его отец и отводит пышущего гневом сына в сторону. – Вот такие дела, Лео, – вздыхает он. – Вот так вы отплатили нам за доброту. А мы вам кров дали, приют. Пир закатали в вашу

честь. Даже награду пообещали.

– Шиш им, паскудам, а не награду! – орет, удерживаемый товарищами, Гурк. – Она пусть катится, откуда пришла, а они заплатят за содеянное сполна! Зубы уродам повыбиваю! Порешу обоих, а этому мелкому бесу хер отрежу и заставлю съесть! Да, да, отец, я так и сделаю!

Я подхожу к моим. Гляжу на них. Они не решаются поднять голову, и я слышу, как внутри них все бурлит. Они в смятении, они боятся и главное – мучительно размышляют, как загладить вину передо мной. Что сказать. Но слов у них нет.

– как ты понимаешь, Лео, – слышу я голос шультейка, – никакой награды не будет. После такого

Я разворачиваюсь, подхожу ко входу в дом. Дорогу загораживает Марира.

– Ты куда? – ледяным тоном интересуется она.

– Забрать вещи. Меч, кинжал, рюкзак.

– Стой здесь, сейчас вынесем. Герта! Принеси вещи Лео и побыстрее. А ты пока подумай, как и что делать дальше будешь. Мой муж и сын хотят, чтобы ты ушла, но я против. Я сказала им – Лео не виновата. Лео останется с нами и вместе мы покараем

– Вот не надо мне тут, мать! – не унимается Гурк, уже багровый от ярости. – Как стало возможным то, что случилось? Как совратитель сумел забраться к ней в постель? А она сама головой своей думала, или нет? И кому теперь нуж-

на порченная деваха? Я давно говорил – пороть надо дуру! Смертным боем надо было приличия вколачивать, по-другому стервы не разумеют!

Марира пытается что-то возразить, но сынок не дает ей и пикнуть:

– Не смей! Это позор! Это позор нашей семьи! Ты виновата!

Я выхватываю из рук служанки свои вещи и молча ухожу. Слышу недоуменные вопросы: «ты куда? постой, мы же не договорили! Лео? ты бросишь их?»

Чош с Пегим мысленно умоляют им помочь, но я неумолима. Это – оскорбление. Их поведение недопустимо. Поганцы оскорбили лично меня, перечеркнули все мои старания! Я залезла в логово чуть ли не к самому дьяволу, а они?

Ну и черт бы с ними! Пусть их порежут разгневанные сельчане. Обойдусь. Плохо будет без них, но ничего, справимся.

Я предателей не прощаю. Как они могли так поступить? Ладно Чош, перепил, крышу снесло, но Пегий! Он что, правда маньяк? Вот и делай добро! Пригрела на груди змею! Как можно гадить в доме, где дали тебе приют? Не передергивает он, видите ли. Принципиальный какой! Не прощу! Ни за что, будь я проклята!

Да и Чош хорош! Ладно бы натворил что-нибудь посущественнее, вон, хотя бы, схлестнулся с кем, так ведь устроил резню, да не кому-то, а курам! Курам! Боже, какой стыд!

Охваченная такими невеселыми мыслями, сердито топая по тракту, накручивая себя, может и сверх меры, не заметила, как удалилась на порядочное расстояние от злосчастной Волчьей Глотки. Останавливаюсь. Делаю глубокий вдох.

– Так, подруга, давай успокоимся. Не надо кипятиться. Спокойнее, спокойнее. Подвиг, конечно, состоялся, но с наградой снова вышла накладочка. Не везет, что делать. Опять с пустыми руками возвращаться, да еще и без этих дурней. А так хорошо всё начиналось

Слышу топот копыт. Кто-то догоняет меня. Оборачиваюсь.

Волож. Что еще ему надо, интересно?

– Постой, Лео! – обливаясь потом, кричит он. – Ну, постой, постой! Погоди, давай поговорим спокойно!

– О чем?

Волож спешивается.

– Сейчас, Лео, дай отдышаться. Ох, немолод уже. Ух! В боку аж закололо

– Чего вам надо?

– Давай поговорим, Лео. Поговорим без эмоций.

– Спрашиваю еще раз: о чем нам разговаривать?

– Не обижайся, Лео! Ну погорячились мы, с кем не бывает. Ты пойми – то, что твои сотоварищи устроили, это ведь, по меньшей мере неуважение. Но ты, Лео Ты-то не виновата!

– Что, супруга пристыдила?

– Нет, не она. Это Гурк. Он сказал, что ты заслужила на-

граду. Как поглядели мы тебе вслед, так он первый и очнулся. Непорядок, сказал! Сам хотел прискакать, но я, как голова, решил – нет. Мне надо. Понимаешь, Гурк он больше всех сил положил на защиту села, ожесточился малясь, но справедливость в нем есть. Вот чего не отнять, так этого! Наследник! Есть кому оставить хозяйство! Короче! Лео, еще раз скажу: прости нас. Мы, посовещавшись, решили

Волож хлопает лошадку по холке. Тут я обращаю на нее внимание – вороная, красивая, статная. Чудо, а не лошадка. Я влюбляюсь в красотку мгновенно.

– Она твоя, Лео. Ты заслужила.

– Как ее зовут? – замороженно глядя на нее, спрашиваю я.

– Ласточка.

– Волож, но она же такая такая

– Лучшая! Что есть, то есть! Лучшая!

– Это очень дорогой подарок, Волож.

– Ты однозначно заслужила. Неизвестно, что бы с нами стало, если бы не ты. Может, и съезжать пришлось бы. Так что принимай даже не задумываясь. А кроме того, вот еще, вдовесок, чуть не забыл. Помню, ты по дороге назад упоминала, что любишь стилеты. Так что вот.

Он вручает мне простой, но добротный стилет.

– Не откажусь, – говорю я, принимая подарок. – Спасибо.

Сажусь в седло. Ласточка так и пышет здоровьем, прямо чувствую, как перекачиваются мышцы. Ретивая, озорная – сразу заметно.

Мы споемся.

– Вижу, вы уже поладили, – говорит Волож, поглаживая Ласточку по гриве. – Ну а с этими что? Может, подождешь? Обожди маненько, Лео, мы их проучим хорошенько, да отпустим. Мы не такие, убивать не в нашей привычке.

– Вот еще! – фыркаю я. – Делайте с ними что хотите. Можете в рабстве у себя оставить. А если отпустите, сами дорогу найдут, не маленькие. Бывай, Волож!

И прищпориваю Ласточку.

– Прощай, Лео! Не поминай духом! Отпустим мы твоих горемык, отпустим. Помнем чуток, да отпустим! Но проучить надо, чтоб в дальнейшем неповадно было, сама понимаешь!

p. s. Спустя пару дней оба вернулись – побитые, помятые, босые, в рубище, из оружия – дубины. И хотя я уже давно простила их, виду не подала. Устроила им взбучку. Еще раз подобное повторится, заверила я их, то всё. Конец. Так и сказала. Пусть гадают, что это значит: изгнание, или что похуже.

С тех пор да кого я обманываю! Мужики такие – и правда как дети малые! За ними глаз да глаз! Только если они начинают меня расстраивать, я сразу озвучиваю придуманные мною прозвища: бич пернатых и Алоизио-совратитель.

Что их очень даже бесит.

Уже зимой, очень снежной и суровой, мы совершили четвертый подвиг. Славный подвиг! Заодно познакомились с двумя весьма одиозными дамами, одна из которых

Но всему свое время.

Глава 5. Бешеная яга Козья

Несомненно, тут придется к месту тот самый процитированный в самом начале витиеватый отрывок из эпического сочинения Джанкарло, мать его так, Руиса Руидоло, обо мне ненаглядной, которое он втайне продолжает писать. Так и липнет с расспросами – что, да почему, да как. Якобы для бестиария. Ага, так я и поверила.

Но я дамочка попроще, поэтому начну соответственно – было чертовски много снега, чертовски много солнца, отчего снег, будь он проклят, слепил глаза, и также было чертовски холодно. И ветрено.

– Лео, куда мы идем, можешь объяснить? – недовольно кутаясь в тулуп, спрашивает Чош. После Волчьей Глотки он стал слишком ворчлив. Всё ему не нравится, всё не так. Близко к сердцу принял тот злосчастный загул с последующей показательной экзекуцией, не в пример Пегому. Пегий если и переживал, то недолго. Вон – плетется сзади. Он ростом невелик, и кажется, ему тяжелее всех дается подъем, – снега по пояс, – но терпит, лишь изредка сплевывает и сморкается.

И улыбается. Точнее, скалится.

Единственное последствие описанных выше событий – мои потуги сбить с него обаяние психопата он отверг раз и навсегда. Так что перед нами снова старый добрый змеище.

И пусть, мы привыкли.

– Тот пастух сказал, что там, за ущельем, и должно быть вольное поселение, – отвечаю я, проклиная про себя снежные заносы. – Если идти по тропе, вскоре дойдем

– И где же тут тропа? – продолжает он бурчать. – Только снег, да горы.

– Ну прости, что в этой глухомани некому снег расчищать.

– Премся куда-то, неизвестно куда Может, тот пастух сбrehнул? По роже видно было – дурак и плут. Может, они все брешут?

– А может, ты просто прекратишь гундеть?

– Достало всё. В задницу всё! Где это видано – лезть неизвестно куда только из-за бумажки! Да мало ли что там накалякано, мало ли кто присобачил ее туда, да и мало ли кто сочинил! Безумцы какие-то играют в свои игры, а мы и верим! Премся в пасть к безглазому! А с другой стороны – и хорошо! Пусть нас порешит какое-нибудь зверье! Лучше сдохнуть, чем так жить

Я останавливаюсь. Гляжу на Тельгу. Она в ответ вопросительно изгибает бровь.

– Тельга, подруженька, врежь ему по лбу, а то это сделаю я.

Тельга лишь скупое усмехается, смахивает с лица снег и идет вперед.

– Вот, учись у нашей дриады – ни словечка за весь путь. Кремень, а не девчонка!

– Ага, – хмуро отзывается Чош. – Как раз это меня и пугает.

– Поэтому ноешь?

– Чего? Нет, сдалась она мне! Не поэтому!

– Ты бы поосторожней со словами, а то Тельга в последнее время больно крутовата стала. Ты видел, как мечом машет? А кулаками? Из Спанч Боба щепы летят, даже я пугаюсь! Может и по тыкве дать. Тем более, я ее об этом сама попросила. Кто его знает, что у нее на уме? Вдруг возьмет и врежет? А?

Спанч Бобом я называю прямоугольное деревянное сооружение, обтянутое шкурами – проще говоря, манекен для отработки ударов. Просила Куля с Дастуром сделать болванку похожей на человеческий силуэт, получился Губка Боб Квадратные Штаны.

– Шла бы ты со своими шутками, Лео!

Идем далее молча. Дует ветер, заставляющий нас беречь дыхание. Ветер пронизывающий, аж горло заходится. Не простудиться бы.

Куда идем? Зарабатывать средства к существованию в одно удаленное, но уже локально знаменитое местечко. А славится оно наличием клутжей. В логово к разбойникам топаем, короче говоря. А что делать? Специалисты по ведьмачьему делу везде нужны, а мы уже начинаем приобретать кое-какую известность. Так и вышли на объявление, прибитое ржавым гвоздем к богом забытой корчмушке в одном бед-

ном поселении:

«Объявляю тебе для той наглой и самоуверенной рыжей девахи, истребляющей безглазых выродков, кем бы ты ни была, ведьма проклятая! Надеюсь, ты это прочтешь, дура ты безмозглая (ежели, конечно, читать умеешь, в чем мы сильно сомневаемся, хе-хе). Ежели надобен заработок, полагаемый как раз за убиение расплодившихся, аки тараканы, чудищ, то явись в Коротью. Явись, чертова баба, к коменданту, посмотрим какова ты и на что годишься. Оплата достойная, за нами не заржавеет! Ежели справишься, конечно, в чем мы сильно сомневаемся. Дело-то непростое – это говорим сразу.

Да, чуть не забыли – шоб тебя, сучку эдакую, пропустили, покажешь сию бумажку.

Отдельным пунктом для всяких болванов, мнящих себя хер знает кем – ежели ты, урод, не наглая и самоуверенная рыжая ведьма, то по предъявлению сего документа готовься расстаться со своею глупой башкой. Отчекрыжим и глазом моргнуть не успеешь!

Засим желаю всем доброго здоровьица. Люблю, целую. Комендант К. Цугелла».

Столь вызывающая просьба о помощи не могла не найти самый горячий отклик в моей душе, да и не только в моей (Тельга тоже оценила стиль и эмоциональную подачу).

Попрощавшись со своею любимицей Ласточкой, за которой я в последнее время неусыпно ухаживаю, и строго наказав Куля, Дастура и Лиса приглядывать за красавицей, ре-

крутировала мою дружину, и в путь-дорогу.

Это первый выход Тельги и пока я ни разу в ней не разочаровалась.

Оказалось, Коротья действительно имеет, мягко говоря, дурную славу. Многие прикидывались, что не знают, где это. Пока мы не набрели на одинокую хижину старого пастуха, показавшего путь.

Если тот пастух не обманул, до городка полдня пути. Топаем уже четвертый час. Гляжу на солнце. Похоже, уже перевалило за полдень. Если так, то через три-четыре часа стемнеет.

Надеюсь, до ночи доберемся.

Что за Коротья такая? Если верить народу – стихийное поселение, где обитают по большей части беженцы с Пагорга и пригородных сел. Средоточие сброда всех мастей. Еще одна ганза, вдовесок к нескольким, самой известной из коих является уже подзабытая многими шайка Хораца Черного.

Коротья находится на берегу высокогорного озерца и путь туда непрост. Тем более зимой.

Долго ли, коротко ли, но к вечеру, порядком подвыдохшись, продрогнув и потеряв остатки настроения (особенно в этом преуспел Чош), добираемся до первой заставы. Перлись сквозь начавшуюся, как назло, пургу. Заметает так, что не видно ни зги. Будто уже ночь.

Надеюсь, оно этого стоит.

Глухой забор, перегородивший вход в узкое ущелье с от-

весными склонами, вышка, калитка.

– Стой, кто идет! – слышим голос.

– Свои! – отвечает Пегий.

– Свои дома сидят! Проваливайте, коли вам жизнь дорога!

– Хорош умничать! – кричу я. – Открывай, это рыжая наглая и самоуверенная ведьма проклятая явилась по вашему объявлению! Бумажка в наличии. Открывай скорее, а то мы сейчас кони двинем от холода!

– Чую, зарежут нас, ох, чую кранты нам – бубнит Чош. Его бородища покрылась инеем, и он стал похож на деда мороза.

– Залезли в самую жопу

– Заткнись! – рявкаю на него.

Калитка отворяется, выходит мужик с пистолетом и факелом. Он щурится от бьющего в лицо снега, смотрит подозрительно.

– Показывай бумажку! – требует он, наставив на нас пистолет.

– Сначала пусти погреться.

– Показывай!

– Не здесь. Пусти погреться.

Мужик задумывается.

– Ладно, так уж и быть, – говорит он. – Но держите руки на виду! Чуть что – пристрелю! У меня огнестрел!

– Пускай уже, надоел!

В задымленной хате не просто тепло, а жарко. На табурете

рядом с печкой сидит лысый пузатый дядька в рубаше, портках, закрученных до колен, греет ноги в тазу с горячей водой, осторожно потягивает какое-то питье и хлюпает сопливым носом.

– Это еще кто? – вопрошает он, предварительно высморкавшись. – Кого нечистая принесла, да в такую-то погоду? А, Руди? Ты кого пустил, спрашиваю? Чего им надо?

Руди сует пистолет за ремень, отряхивается и отвечает:

– Эти по объявлению.

– По какому такому, проглоти меня бездна, объявлению?

– Ну, по поводу того объявления, которое с пару недель назад Андрик пошел развешивать, да назад не явился.

– Андрик редкостный идиот! Ты чего, не знал?

– Знал.

– Тогда чего их пустил, спрашиваю? Гони их взащей!

– Не шуми, Бурк! Я говорю – объявление, то есть послание той рыжей ведьме, про которую столько судачат

– А! – восклицает Бурк. – Ты вот о чем! Так и сказал бы, Руди, а то всё мне про Андрика рассказываешь! Ты что, не знал, что Андрик редкостный идиот? Давеча он за сараями дрочил, как не в себя

– Да знал, я, знал.

– Ага! Тогда кого привел? Гони их взащей!

– Это та самая рыжая ведьма, как она сама говорит.

– Где? – Бурк пытается разглядеть в полумраке хаты кого принесла нечистая. В это время Тельга снимает шапку

и встряхивает головой. Ее светлые волосы рассыпаются по плечам. – Какая же она рыжая? Она же белобрысая! Ты настоящий дурак, Руди! Ты что, слепой? Привел неизвестно кого! Бабу какую-то! Белобрысую бабу! Ты дурак, Руди! Гони их взащей сейчас же!

– Сам ты дурак, Бурк, – подаю я голос и снимаю свою шапку. – Я – рыжая. А вот бумажка. Читать умеешь, нет? А то еще скажешь, что подсунула тебе фигню.

Бурк таращится на меня, как будто в первый раз увидел такой цвет волос. Вручаю ему объявление. Он недоверчиво вертит бумагу руках, потом с самым мрачным видом отдает Руди.

– На, прочти, – говорит он, высмаркиваясь прямо на пол. – А то я уже не вижу, староват стал. Глаза уже не те.

Руди пробегает бумагу глазами, сворачивает ее и засовывает за пазуху.

– Оно.

– Что оно, Руди?

– То самое.

– То самое? Ты о чем, Руди? А это еще кто такие? Что за рожи. Откуда ты их привел? Я говорил тебе, что ты дурак, Руди? Когда-нибудь твоя беспечность нас погубит, так и знай!

– Да что ж ты такой тупой, а? – не выдерживаю я. – Тебе, кретину, сказано – объявление подлинное, и я – тоже подлинная. Чего тебе еще надо? И как ты с ним тут уживаешь-

ся? – обращаюсь я уже к Руди.

Он пожимает плечами и усмехается.

– Хорошо, – погладив лысину, говорит Бурк. – Она – рыжая. Пусть остается. А эти кто такие? Гони их

– Я сейчас тебя выгоню, старый ты недоумок! – негодую я. – Это моя дружина! Ты же не думал, что я попрусь черт знает куда одна?

Бурк опять таращится на меня.

– У него совсем плохо с головой? – шепотом интересуется у Руди Пегий.

– Временами.

– Дай нам погреться и валим дальше, – прошу его я, и, не дожидаясь разрешения, сажусь на лавку, с наслаждением протягивая окоченевшие пальцы к печке.

– Располагайтесь, – бросает Руди. – А на него не обращайтесь внимание.

Легко сказать. Бурк то и дело принимается поминать по матушке нерадивого дровичяна Андрика, после чего предлагает гнать всех взащей. Поэтому надолго мы там не задерживаемся, и оттаяв, попив кипяточку, идем дальше.

Пурга меж тем немного стихает, небо очищается. Закатное солнышко расцвечивает этот угрюмый край в ярко-красные цвета. Приободряемся. Кроме Чоша. Здоровяк хранит молчание, всем своим видом показывая, что всё плохо.

Минуем еще один кордон. Сказала бы, что там охрана по-серьезнее, но не могу. В хате стоит такой спиртной духан,

что хоть топор вешай. Охрана – пять молодчиков – дрыхнет. Разумеется, пьяные, какие же еще.

Один их них, каким-то чудом уловив оглохшим от чрезмерных возлияний ухом шум, вскакивает, с него слетают штаны, обнажая полускрытый за курчавостями шланг, бедолага пытается натянуть штаны обратно, но тут его взгляд падает на нашу суровую красотку. Кривая улыбка озаряет его грязную морду, штаны снова падают. Негодник берет агрегат в руки и начинает прямо при всех наяривать, натурально пуская на Тельгу слюни.

В ответ Тельга совершенно невозмутимо проводит короткий и быстрый удар. Бац по носу – наповал. Остальные, несмотря на грохот, поднявшийся от падающего тела, никак не реагируют.

– Поздравляю с первым боевым бубном, девк, – улыбаюсь я. – Удачно. Дай пять!

Хлопаемся ладошками. Руди опять усмехается.

– Как у вас интересно, – говорю я. – И люди такие занимательные.

– Какие есть, – лаконично отзывается он.

– Что-то много онанистов на один квадратный метр. Андрик, плюс этот, – киваю на нокаутированного чувака.

– Кого много?

– Письки свои у вас мужики любят трогать, вот что.

– Не без этого.

– Стыд и срам!

– Всем плевать.

Руди нравится мне все больше.

Так, и здесь делать нечего. Спустя часок, уже затемно, достигаем, наконец, искомой Коротьи. Это большая деревня – средоточие хаотично расставленных шатров, неказистых самодельных палаток, шалашей и нескольких более-менее добротно скроенных изб посередине. Коротья оккупировала все склоны, подступившись прямо к замерзшему одноименному озеру. Подходы к поселению огорожены частоколом. Всюду – огни, и несмотря на мороз и ночь, иногда встречаются люди. По большей части бандитской наружности. Непохоже, что улицы патрулируют, ибо абсолютно все бухие чуть ли не вусмерть. Едва на ногах стоят. Поутру, думаю, парочка замерзших насмерть отыщется.

На нас мало обращают внимание. Руди ведет нас к самому большому дому. Уже издалека мы слышим скрипучий надоедливый голос. Орет старуха.

Руди останавливается, прислушивается.

– Вон туда! – отдавая нам объявление, указывает он на выкрашенную в красный цвет дверь. – Скажете, что вы пришли к коменданту.

Сказавши это, Руди несколько поспешно, как нам показалось, уходит.

Старуха никак не уймется. Аж с хрипом. С надрывом. Интересно, кем она приходится коменданту? Матерью? Бешеная, право слово.

Стучимся. Ответа нет. Еще разок, на этот раз посильнее – крики смолкают. Слышу топот, разговоры, вопросы, переругивания. Шлепки – кому-то досталось несколько оплеух. Наверняка бабка дала кому-нибудь затрещину. Вскоре дверь открывает седовласый высоченный слуга. Вытаскивает из кармана окуляр, протирает его пальцем, приставляет к глазу, смотрит.

– Вам кого? – строго спрашивает он. – Вы кто?

– Меня зовут Лео, – отвечаю я, снимая шапку. – Я по объявлению к коменданту.

Слуга с минуту разглядывает меня, периодически протирая окуляр пальцами. Разглядывает моих спутников.

– А это кто?

– Друзья и соратники.

– Я думал, вы одна придете, госпожа Лео.

– Одной, мил человек, только в уборную идти. Да и то с оговорками. Тыпустишь нас, или как? Знаешь, как надоело нам зады морозить?

– Что ж, проходите, садитесь. Ожидайте.

Изнутри дом похож на корчму – прилавок, бутылки и сосуды с напитками, столы, лавки. Усаживаемся за столом поближе к очагу.

Немного времени спустя к нам подходит нет, скорее суетливо подбегает престранная старушенция – горбатая карга с единственным кривым здоровенным зубом, одетая как цыганка – разноцветная юбка, измочаленная рубаха, меховая

курточка, грязный алый платок, повязанный на пиратский манер на голове. Давно не мытые волосы безобразно выкрашены в черный цвет, брови так же безвкусно подведены не иначе как углем, дряблые уши с оттянутыми мочками украшают здоровенные серьги из почерневшего от времени серебра, пальцы унизаны золотыми кольцами.

И главное – на боку сабля, за поясом – две здоровенные пушки. Дорогие с виду.

За ней следует тот слуга с моноклем.

Бабка, согнувшись, осматривает нас, часто-часто моргая и постоянно облизывая губы остреньким язычком.

– Так-так-так! – хлопнув по столу своей клешней, громко говорит она. Кем бы она ни была, надо привыкнуть к ее манере – уж очень голосистая бабуля. И эта бабуля, нагло спихнув в сторону Пегого, садится напротив меня. – Вот она ты какая, дрянь ты эдакая, вот ты какая, манда крашенная, курва кучерявая! Ха-ха-ха!

Ее смех – это нечто необыкновенное. Она скорее воет, нежели смеется.

– С кем имею честь? – дождавшись окончания этого крайне неприятного гогота, спрашиваю я.

– Чего? – приставив ладонь к уху, переспрашивает карга. – Чего ты там пищишь, дорогая? Ну-ка, не стесняйся, повысь голосок, а то я уже глуховата стала!

– Ты кто такая, старая? – наклонившись к ней, повторяю я вопрос.

– Я-то? Вы видали, олухи? Она еще спрашивает, кто я такая! Погодите-ка! – говорит Козья, глядя на слугу. – А ты чего встал, дурень? Неси ядь и питье неси, да поживее! И выпить, выпить обязательно! Надо же попотчевать гостей, раз приперлись среди ночи, подлецы эдакие! Поднимай Васальгу, неча ей дрыхнуть, ленивой скотинке! Пушай жопу свою жирную подымает! Отрастила сраку, потаскушка мелкая! Пусть жаркое разогревает! Живее, живее, пес! Одна нога здесь, другая, мать твою, там!

С этими словами бабка достает пистолет и нажимает курок. Вхолостую. Потом еще – снова осечка.

– Что за рвань такая! – ревет она. – Почему не стреляет?

– Вот сюда надо вставить ключ и покрутить, – подсказываю я. – Пружинка заводится, нажимаете на крючок, порох воспламеняется – бам! Всё просто.

Бабка смотрит на меня.

– Умная что ль? – недовольно глядя на меня, интересуется она.

– Не то слово, – не моргнув глазом, отвечаю я. – Ума – палата.

– Тогда что ты скажешь на это, – говорит она, заводит пружину и приставляет ствол к моему лбу. Замечаю, что делает она это весьма сноровисто и даже профессионально. – Что ты на это скажешь, «умная-разумная» дрянь?

Но я выхватываю у нее пистолет и спустя секунду пушка уже утыкается в ее морщинистый лобешник. Пегий тем вре-

менем ловко вытаскивает у нее другой пистолет.

– Ты меня уже утомила, бабуля, – говорю я. – Хватит па-
ясничать, лучше позови коменданта. Как его там? Цугелла?
Зови сюда Цугеллу. Мы по объявлению. Вот этому. – Кладу
на стол бумагу.

Бабка расплывается в улыбке.

– Теперь я убедилась, что это ты и есть, милочка, – гово-
рит она. – Опустит пистолет, пожалуйста. Я же шучу! Позволь
представиться – меня зовут Козья. Козья Цугелла – это я, до-
рогуша! В народе – бешеная яга Козья. Я и есть комендант.
Хха-ха-ха-а-а! Сейчас, детки, погодите-ка, я свистну Баггом!

Глава 6. О тех, кто портит нам жизнь

Не успеваем мы моргнуть и глазом, как бешеная яга Козья выскакивает из-за стола, бежит к выходу, распахивает дверь настежь и, сунув два пальца в рот, выдает настолько залихватский свист, что в моих чувствительных мутантских ушках неприятно свербит.

– Эй, народ! – начинает орать эта сумасбродная бабка. – Подымайтесь, бесы!

В ответ – тишина.

– Послушайте, уважаемая! – обращаюсь я к ней. – Нам бы поесть да поспать! Так сказать, набраться сил перед делом

– Успеете! – машет в ответ неугомонная Козья, и снова свистит. Прислушивается, приставив ладонь к уху. Я улавливаю какое-то шевеление. Люди нехотя отзываются. Но бабка этого не слышит и выпаливает целый каскад громогласных ругательств: – Падла! Нет, вы только посмотрите – это разве гостеприимство? Дрыхнут! Говнодавы, пачкуны, соплежуи! Вздрыгнуть – и на то, кажется, сил не хватает! Тупни дубовые, сплошь – одна лошняя, оттопырят вирзы и давай бздеть, да вялого теребонькать, черти безрогие! И это называется славная ганза бешеной яги Козьи? Это сборище тупиц, собрание калек, толпа ушлепков и дятлов! Я вам всем бошки

поотрываю, суки, твари! Подъем, уроды, подъем, кривые и убогие! Встречаем гостей! Даю пару минут, иначе – вилы! Подымаем жопы, попотчуем наших спасителей! Ну же, ну!

Две минуты спустя народ и правда начинает вылазить из жилищ. Первым в наш кабак (или ратушу, кому как нравится) вваливается, волоча негнущуюся ногу, такой же живописный персонаж, как и наша премилая старушка – прямой как палка, пучеглазый старик-разбойник в обносках, шляпе с обтерханным пером, но зато с рапирой. Он беспрерывно что-то пожевывает и молодецки подкручивает усы.

– Здорово, дед Акведук! – приветствует его Козья. – Очухался?

Акведук, узрев Козью, начинает трястись и что-то возбужденно бормотать.

– Бур-бур-бур-бур! – гудит он, так и поедая бабку-комендантшу воспаленными от долгого пьянства глазами и боком, прямо как хромой конь, вознамерившийся запрыгнуть на норовистую кобылку, подскакивает к ней. – Бур-бур-бур! – Дед Акведук хватает ее за задницу одной рукой, не забывая крутить ус другой. – Бур-бур-бур!

– Ой, ну хватит! – жеманничает Козья, убирая его руку. – Ну не сейчас, не сейчас!

– Бур-бур-бур! – еще пуще тарашит глаза дед Акведук. Не успеваем мы моргнуть и глазом, как помещение заполняется отребьем всех мастей и расцветок. Бабка командует.

– Мойва, Крот, Банка, Лепешка – несите посуду, стаканы

и прочую хрень. Колбаса, Липа, Сапог – дровишек в очаг! А то что-то холодно. Или это любовь меня не греет, а? Что скажете, сизоносые? А, что вас спрашивать! Только синьку заглатывать и способны! Эй, Отсос! Поди, пни эту ленивую жопу Васальгу! Да, еще – подмогни ей на кухне! Только не лапать! Запрещаю! Узнаю – твоя тупая башка слетит с плеч, не успеешь и глазом моргнуть! Давай, шевелись, баран! Гости жрать хотят! Десять минут – и столы накрыты! И с кушаньями, уж будьте любезны, постарайтесь, нам тут ту блевоту, какую вы жрете, не надо! Ты, Бубня! Где бухло? Где бухло, я тебя, обмудка, спрашиваю? Где красное дукгорское?

– Дак выпили ж!

– Не может этого быть! Кто посмел? Лично голову отрублю!

– Ты сама и выжрала, мать.

– Я?

– Ты.

– Не может этого быть!

– Пару дней назад, ты забыла, что ли? Вот же голова у тебя дубовая, мать! Ты еще тут носилась тут, верещала, штаны снимала и просила вынуть из твоей задницы кол, только мы как ни смотрели, ничего не нашли

– Поговори мне, вафел мохнатый, поговори! Я тебе лезвие в кадык воткну – так и знай!

– Но

– Молчать!!!

– Как скажешь, мать.

– Хорошо, сбегай в кладовую, поищи еще что-нибудь по по как сказать-то? Поэлегантней, повкусней – вот! Живее, олень, живее! Ты что, хочешь заряд дробин в зад? Сейчас устрою! У меня это быстро, ты знаешь!

Козья забирается на стол, палит из своего пистолета в потолок, призывая всех к вниманию.

– Эй, босота! Лицезрейте, бестолочи, легенду, ту, кого мы так ждали – Лео и ее бравую компанию! Да, да, вот она – рыженькая прошмондовка! Это она, она. Руками не трогать, я слышала, она может одним движением все зубы выбить. Впрочем, у вас, негодяев, их так и так нет. Да и мозгов у вас тоже нет, а без мозгов нет нужды и в зубах, я так думаю Короче – кто Лео, вы поняли, а кто не понял – это его проблема. Вон та беловолосая бикса со смазливой, но какой-то унылой рожей, это А кто это, Лео?

– Тельга, – отвечаю я, чувствуя себя в этом обществе крайне неуютно. Прав был Чош – не стоило сюда идти. Таких придурков еще поискать.

– Ага, это, значит, Тельга. А вот эти двое – шалопай и лось, они кто? Нет, нет, погоди-ка! Этот мелкий прыщ не шалопай, он скорее, ханыга и проныра. А тот, другой не, ну лось? Точно лось! Только рогов не хватает! Так как их звать-то?

– Это – Пегий, это – Чош. Вы поесте и отдохнуть нам дадите?

– А почему Пегий?

– Потому что. Спроси у него сама.

– И спрошу, непременно спрошу! Ты почему Пегим зовешься, а, ворюга?

– Отстань, ты не в моем вкусе, – равнодушно отвечает Пегий, с сомнением осматривая «яства» – моченые яблоки, вареные свеклу и репу, раскрошенные сухари в деревянной плошке и твердые, как подошва, полоски мяса.

– Чего? Да знаешь ли ты, дурында, какова я в постельке? Давай, я покажу тебе акробатику, паршивец! Да ты со своимдохлым висюном и десяти секунд не продержишься

– Ты дашь нам отдохнуть, или как? – перебиваю ее я.

Куда там! Веселье только начинается. Ни поесть, ни отдохнуть нам как следует не дают. И если честно, есть тут нечего – кроме того, что у нас на столе, вижу еще вяленое мясо, кислую капусту и сухари, сухари, сухари. Отсос еще притащил медный котелок с какими-то не то маринованными, не то протухшими клубнями, похожими на картофель, плавающими в темно-зеленой жиже, но это, с позволения сказать, блюдо, отвратило не только нас, но даже Козью, велевшую утащить «яйца земляного дьявола» обратно и подкрепившую приказ пинком.

– Что Баггу мёдово, то псам солоно! – говорит она и снова начинает ржать. – Пшел вон, я сказала, не хватало еще Багговыми объедками давиться!

Хмм а это было, случайно, не то самое легендарное Баг-

гово блюдо, «сила гор»? Тьфу, какая мерзость!

Толпа разбойников быстро напивается, некоторые уже падают с ног, одной Козье всё нипочем. И деду Акведуку, что ходит за ней по пятам, растопылив пальцы в нестихающем желании потискать комендантшу за ее дряблую задницу.

Козья носится туда-сюда, оглашая зал своим крайне надоедливym и противным голосом и раздавая направо и налево тумачи, паля из пистолета, швыряясь едой и размахивая своей саблей, которая каким-то чудом никого не задевает.

Больше всего пощечин достается ее внучке – пухлой, или, скорее, крепко сбитой и шустрой миловидной девушке лет двадцати, по имени, как вы уже догадались, Васальга. Мне особенно понравилась ее толстая русая коса. Ну, прямо типично славянский тип. Приятно видеть здесь, в этом параллельном мире до боли знакомый типаж. Девушка стоически сносит побои, прислуживает нам через силу, а на попытки разговорить ее никак не отвечает, хотя я ясно вижу – у нее внутри всё так и бурлит. Ладно, подождем пока атаманша вырубится, гульбище стихнет, порасспросим ее, что здесь и почем. Если это когда-нибудь произойдет.

Кажется, Васальга здесь единственный здравомыслящий человек.

Тем временем, видно подумотившись, Козья спешит к нам, но на пути спотыкается о тело.

– Эй, Отсос? Отсос! – она пинает тело, но оно не реагирует. – Дед Акведук, ну-ка глянь, не подох ли еще Отсос?

– Бур-бур-бур! – говорит в ответ Акведук и шлепает Козью по задю.

– Да как же ты достал за мной волочиться, старый придурок! Иди вон, надоел, хуже собаки!

Козья лупит деда по лицу, но тот возбуждается так, что кажется, его сейчас хватит удар, а глаза выскочат из орбит.

– Уберите его от меня! – кричит Козья. – Чтоб он подавился своими же слюнями, черт пархатый! И посмотрите, что там с Отсосом.

Несколько человек тормозят тело, затем выдают вердикт:

– Помер Отсос!

– Ну так выкиньте дохлятину на улицу, не станет же он тут, в нашем благородном обществе, вонять! – распоряжается бабка и, как ни в чем не бывало, присаживается к нам. Разбойники выполняют требование, взяв тело за ноги и бесцеремонно вытолкав наружу, на мороз. – Не обращайтесь внимание, Отсос был идиотом, помер, и бес с ним. Вы чего такие кислые? Может, вам мужичка? Я бы порекомендовала Акведука – ого-го мужчина, у него ежели встанет, так хер опустишь, хе-хе. Нут-ка, хлопнем бухлишка! Хлопнем, хлопнем, неча тут глазками стрелять. Ишь, красавицы выискались! Мужика бы вам, девоньки, глядишь, и приободрились бы

– Нам бы отдохнуть – уже безо всякой надежды говорю я.

– В гробу отдохнешь, милая моя, а пока в тебе кровь играет, надо трахаться! – отвечает Козья, стуча кулаком по столу

так, что тарелки подпрыгивают. — Трахаться, трахаться и еще раз трахаться! До седьмого пота, до изнеможения! Поняла меня? Знаешь, как пороли меня в твои годы? По трое, а то и по четверо, всем скопом, остервенело, хха-ха-ха-а! Рвали, натурально рвали на части мя мужики! Вот как надо! Вот это ощущения, а то, что вы зовете там как там ну-ка, еще стаканчик Дайте глотнуть этой вашей гнилушки Как внедрят в зад вот таковский акведук, вот таковский, ёптыть! и до потери сознания А чего, больше нету бухлишка? Эй, Отсос! Отсос, мать твою, ты где? Ах да, он же крякнул, негодник, лизун проклятый Да, девоньки, я же вижу — вы такие снулые, потому что не траханные как следоват! А ваши с позволения сказать, мужички, та! Фу! Вот дед Акведук — он потому и акведук, что у него пипирка ого-го! И абрикосы такие, что подавиться можно. Мохнатые и вонючие, и акведук соответственный — тоже вонючий и даже смрадный. Как заглотишь такой, так и пробирает до кишок! Не я его вам не отдам, а больше тут и нету никого Придется вам на голодном пайке. А вот мохнатку тереть не советую, не советую, девоньки Это совсем не дело!

У Козы начинает заплетаться язык, она с трудом встает со стола, дед Акведук тут как тут — подает руку, но бабка не удерживается на ногах, и чуть было не падает, но ее подхватывает

Я, Чош и Пегий вскакиваем с мест, хватаемся за оружие. Тельга смотрит на нас с недоумением.

– Ты, ублюдок! – орет, побагровевший Чош, сжимая кинжал. – Да я тебе сейчас горло перережу, предатель!

В последний момент мы с Тельгой скручиваем Чоша, не даем случиться резне. В зале тут же воцаряется тишина.

Колбаса – да, это он и есть, тот сукин сын, отдавший меня в лапы Буна с Рейшо, – отталкивает от себя комендантшу, и пытается бежать, но далеко ему уйти не удастся. Тотчас пришедшая в себя Козья сама хватает его за куртку.

– Держи вора! – не своим голосом вопит она. – Держи черта!

Толпа накидывается на Колбасу, валит его на пол и начинает пинать.

– Слыхали, чё сказала Лео? – прыгая вокруг толпы линчевателей, кричит она, потрясая саблей. – Он – предатель! Вот же шкура, так и знала, так и знала! Как жопой чуяла, а у меня жопа такая – сразу всю гниль выявляет! Нашу голубку предал, чертило! Я так и знала – гнилой кирюха, гнилой! Вздернем его, тащите веревку! Тащите веревку, братцы!

– Нет, нет, пожалуйста! – причитает, закрываясь от ударов, Колбаса.

Куча пьяных и еле держащихся на ногах молодцев пытаются зацепить веревку за свисающее с потолка тележное колесо со свечами, но оно падает прямо им на головы. Свечи рассыпаются, бандиты давят их сапогами, поскальзываются, падают друг на друга – куча-мала, проклятия, смех.

В конце концов один ретивый парень, забравшись на спи-

ны товарищей, перекидывает веревку через крюк, к которому колесо было прикреплено.

– Вот-вот – вешаем! – орет Козья. – Сейчас вздернем под-
леца! Так его! Ну-ка все вместе! Навалились! Тянем-потя-
нем!

Народ тянет веревку, удавка на шее Колбасы стягивается
Я выхватываю у ближайшего бандита пистолет и выстре-
ливаю прямо в крюк. Связанный по рукам и ногам Колбаса
шлепается. Все оборачиваются и смотрят на нас с удивлением.

– Ты чего это, милая моя? – недоумевает Козья.

– Оставьте его, – говорю я.

– Да он же предатель, ты сама сказала!

– Да, Лео, – хмурится Чош. – Из-за него ты чуть

– Он меня предал, а не вас, – отрезаю я. – А значит, мне
решать, будет он жить, или нет. И я решила – пусть живет.

– Почему? – спрашивает Козья. – Предателю и собачья
смерть

– Не ваше дело. Это мое решение. И точка. Развяжите его.
Ну, чего встали? Развяжите, я сказала!

– Нет, Лео, – качает головой Козья, – ты не права. Так дела
не делаются

– Не тебе судить, что так или не так! – окончательно вы-
хожу я из себя. – Мы пришли вам на помощь, а вы что устро-
или? Бедлам! Весь вечер мы просим – дайте нам поспать,
дайте нам отдохнуть! Это что, уважение? Пошли вон отсюда!
Все – пошли вон, пока я вас не поубивала! Спросите Колба-

су – он вам скажет, как я умею!

Козья пару секунд ословело смотрит на меня, а затем падает. Всё, готова бабка. Не меньше литра местного пойла всосала, паскудница старая. Слуга, всё время пребывавший в тени, подходит к ней, берет под мышки и уносит. Народ начинает потихоньку расходиться.

Колбаса подползает ко мне, хватается за сапог, и, проливая крокодильи слезы, причитает:

– Спасибо, Лео! Спасибо, спасибо!.. Век буду благодарен, век! Спасибо, спасибо

– Отвали, падаль! – пинаю его и бедолага, хватаясь за бок, плача, кланяясь и моля о прощении, уходит прочь.

Через несколько минут заведение пустеет.

– Наконец-то, – говорю я и плюхаюсь на лавку. – Прости, Чош, я и правда привела вас фиг знает куда

– Да ладно тебе, – говорит он, искоса поглядывая на Васальгу, хмуро убиравшую со стола. – Почему ты помиловала Колбасу?

– Как тебе объяснить Не могу я так. Просто не могу.

– Если один раз предал, предаст еще раз.

– Если уж на то пошло, он мне на верность не присягал. Да и вообще, может оставим этот разговор? Я не хочу лишней крови на руках, вот и всё. Если есть возможность оставить кого-нибудь в живых, даже такого мудака, как этот Колбаса, я буду это делать. Это дарит мне какую-никакую надежду. Вот так.

– Понятно, – соглашается Чош, не сводя глаз с внучки Козы. Она замечает его пристальный взгляд и смущается.

– Присядь, Васальга, – прошу ее я. – Присядь, пожалуйста. Не бойся, твоя бабка спит, и нескоро проснется, походу.

Васальга устало садится рядом с Чошем. А я гляжу на них обоих, и не пойму – не то искорка меж ними пробежала, не то мне просто мерещится. От усталости и отвращения. До сих пор в голове крутится отборнейшая похабщина безумной атаманши.

Мы переглядываемся с Тельгой и она незаметно кивает. Тоже просекла. Пегий усмехается, смакуя во рту полоску мяса.

– Скажи, Васальга, – спрашиваю я. – Как получилось, что вами заправляет эта старушка?

Васальга вздыхает.

– Она друг Бунды Горелого.

– Кто такой Бунда Горелый?

– Он из ближайших сподвижников Хораца Черного.

Мы снова переглядываемся. Давненько о нем ничего не слышно. Когда поняла, что местный Горацио не имеет ничего общего с демиургом, что водворил меня в эту всеми богами забытую дыру, я к нему полностью охладела. Оказывается, разбойник жив. Жив, курилка!

– Кем тебе приходится Бунда?

– Никем. Был отчимом, пока пока мать не умерла.

– Я так полагаю, она умерла от

– От песты, три года назад.

– А, понятно. Сочувствую. С тех пор ты мыкаешься с ними?

– Ну, – тербя передник, отвечает Васальга, – Бунда еще ничего. Я для него как бы не существую, а вот бабка

– Родная бабка?

– Нет, она тетка Бунды. Мне она вообще никто. Чтобы она сдохла поскорее, ведьма проклятая!

– Не ругайся, Василиса, не надо. Так, теперь о том, что здесь произошло. Куда подался Бунда и почему? Зимовка вроде не самая худшая, учитывая сегодняшние реалии.

– Он ушел. Хорац его призвал. Хорац вроде как объединяет под своими знаменами всех, кого только можно. На борьбу со злом, как говорят. Горелый сомневался, ему здесь нравилось, и он уж больно деловой – не любит ни от кого зависеть, но, с тех пор как здесь завелся мохнач, он принял решение уйти.

– Мохнач? – переспрашивает Пегий.

– Тот, кто портит нам жизнь.

– Я так понимаю, – интересуюсь я, – с Горелым ушли лучшие?

– Да.

– Остались одни дураки, пьяницы и прочий подобный народ?

– Да.

– Поэтому Козья и верховодит? Больше некому? – Васаль-

га кивает. – Хорошо. А почему тогда оставшиеся не ушли?

– Не знаю. Большинству плевать – они люди опустившиеся, хоть мы и теряем по паре, а то и больше, человек каждый день. Но потом этот которого хотели повесить

– Ты о Колбасе что ли? – хмурится Чош.

– Да, – робко взглянув на него, отвечает девушка. – Он рассказал о вас. О Лео. И все – особенно Козья – загорелись идеей позвать вас на помощь.

– Вот оно как? – удивляется здоровяк.

– Только зря вы пришли, – торопливо говорит Васальга, подняв голову и посмотрев мне в глаза. – Мохнача вам не одолеть. Лучше уходите, не рискуйте. Идите к Хорацу, я слышала, он вас ищет. Хочет познакомиться. Хорац странный человек, но в душе он хороший. Извините, мне пора, боюсь Козья проснется, она может. Ваши комнаты наверху – по коридору налево, первые две, найдете. Я их приготовила. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, Василиса, спокойной

У входа на кухню Васальга оборачивается и повторяет, глядя прямо в глаза Чошу:

– Послушайте моего совета – уходите. Рано утром, не думая. Этого монстра вам не одолеть. Многие пытались, поверьте.

С этими словами бедняжка скрывается.

Глава 7. Проруха у Рыбарки

Нет нужды говорить, что предостережения доброй Васальги возымели обратное действие – я, да и не только я, но и Тельга с Чошем загорелись испытать себя в неравном бою с самым настоящим боссом локации. Первым серьезным противником, судя по всему.

Но не только это занимает мои мысли. Всё время, пока мы наблюдали за шабашем, я размышляла – есть ли смысл в наших деяниях? Я повела за собой людей, которые мне верят, а в результате нам придется спасать от смерти тех, кто этого совсем не желает. Иначе зачем они здесь? И самое главное – меня удивляет и в какой-то степени оскорбляет их легкомысленное отношение к смерти. Отсосу вышвырнули за дверь, как сломанную игрушку, Колбасу чуть не было не повесили, даже не удосужившись поинтересоваться – что, да как.

Может, мохнач – это их кара? За годы, потраченные впустую.

Выполнять заказ ради этого сброда, какие бы после плюшки нам за это ни перепали Ну, не знаю. Сейчас, в этот самый момент, мне кажется, что всё это зря. Что мы просто существуем. Копошимся.

Ведьмачество превращается в рутину. Ведь убивая чудовищ, мы не лечим болезнь, мы устраняем симптомы. Тогда какой во всем этом смысл? Может, прав был Дантеро, и от-

вет надо искать в другом месте?

Эх, Дантеро, Дантеро, бедный мой братишка Где же ты сейчас? Жив? Здоров? Куда ты понесся так опрометчиво? Вернись, я тебя простила, вернись, мой единственный, хоть и такой корявый друг. Все мы ошибаемся, и, как следствие, все мы с упоением ненавидим, но ведь надо уметь прощать. Вот, как Колбасу. Не потому ли я так поступила – напомнило о предательстве Дантеро?

Так, ладно, хватит хандрить, ни к чему хорошему это не приведет. Надо вздремнуть хоть чуток, только бы научиться не обращать внимания на молодецкий храп проклятушей старушки Козьи.

Да, заснешь тут. Лежу, ворочаюсь, вынужденно возвращаясь к вечеру в одном из самых идиотских обществ, какие только могут быть. Вспоминаю, какие взгляды бросали друг на друга Чош и Васальга.

– Ты не спишь, Теля? – тихо спрашиваю я, приподнимаясь и опираясь на локоть. Дриада лежит, заложив руки за голову, глядит в потолок.

– Нет, – отвечает она.

– О чем думаешь?

– Да так, ни о чем.

– Скажи, ты веришь в любовь с первого взгляда?

Тельга чуть удивленно смотрит на меня и, подумав, отвечает:

– Да, несомненно.

– Вот как? – удивляюсь я. – А я вот нет, не верю. Да и есть ли она – любовь? И что это такое? Ты знаешь ответ?

– Никто не знает, – отвечает она. – До тех пор, пока она не придет. Но и тогда влюбленные вряд ли смогут объяснить, что это такое.

– Понятно. Надо только подождать, верно? А сколько ждать, всю жизнь?

– И ради часа любви не жалко всей жизни.

– Да ты, оказывается, романтик, Теля! А по тебе не скажешь. Ладно, пойду, попью, а то что-то в горле пересохло.

На кухне я чуть не сталкиваюсь с влюбленной парочкой – в последний момент скрываюсь за стеной. Стоят, голубки, переговариваются. Чош улыбается, ласково глядя на Васальгу, а она что-то увлеченно рассказывает ему, видимо байки из жизни комендантши.

«Вот же она – любовь с первого взгляда! – словно кто-то шепчет мне. – Гляди, гляди – как еще назвать это?»

Как изменился Чош! С тех времен, когда я разбила ему рожу, прошла, кажется, вечность. Как он серьезен сейчас, как заботливо держит ее за руку, с каким участием выслушивает девушку, с которой знаком всего-то несколько часов. Он уже не Дурной, это прозвище как-то само собой забылось.

Вздохнув, я возвращаюсь. Не стану им мешать.

Утром нас будит звон посуды. Козья судорожно шарит на кухне.

– Что, трубы горят? – спрашиваю я, скрестив руки на гру-

ди и прислонившись к дверному косяку.

– Что горит? – спрашивает она, заглядывая во все емкости.

– Душа твоя нечестивая! Говори, кого нам надо порешить, чтобы даровать вашему безмозглому сообществу спокойствие, и самое главное – какова будет награда?

Козья оборачивается и смотрит на меня. Роба распухла, руки трясутся. И как она еще не померла с таким-то образом жизни?

– Где Отсос? – интересуется она.

– Отсос помер.

– Как это помер?

Я пожимаю плечами.

– Так, так а что вчера было-то?

– Ты говорила нам всякие гадости, а потом вырубилась. И всё.

– Да?

– Еще дед Акведук лапал тебя, если тебе это интересно.

– Неинтересно. Так, пойду надаю по харе этой ленивой скотине Васальге, пущай за спиртным сбегает в погребок

Но я перегораживаю ей дорогу.

– Нет, бабуля, – говорю я не терпящим возражений тоном. – Мне уже осточертели твои выкрутасы. Сначала дело. Покажешь, чем будешь награждать, а только потом в погреб заглянешь. Сама заглянешь – хватит девку кошмарить.

– А что ей будет? Кошмарить ее, видите ли, нельзя. Дай

пройти! Дай я врежу негоднице как следоват!

Но я стою не шелохнувшись.

– Не дашь пройти? – спрашивает она, глядя на меня исподлобья. – Не разрешишь, значит, надавать толстозадой сучке по губищам?

– Нет. Либо ты, старая сволочь, начнешь говорить о деле, либо мы уйдем. Но сначала подвернем тебя экзекуции в качестве штрафа за ложный вызов. Поняла?

– Экзекуция – это что? Порка такая?

– Да. И поверь – тебе не понравится. Я буду лупить тебя по роже кулаком. Прямо по твоим поганым губищам. Посмотрим, как тебе понравится глотать собственную кровь. Понимаешь меня? Губищи – у тебя, безобразной! А у Васи – губки. Итак? Я жду! Сразу скажу – не советую испытывать мое терпение. Я вашу шайку всю отправлю на тот свет, и у меня уйдет на это максимум часок.

– Ладно, уговорила, пошли. Сейчас, только тулупчик накину, а то на улице холодно.

Позади ратуши стоит кривой амбар с дырявой крышей. Внутри свалено в кучу оружие и доспехи. Тут же – погребок, прикрытый деревянной заслонкой. Кроме того, тут оборудована примитивная кузница – горн с мехами, наковальня, клещи, молоты, точильный круг.

– Выбирайте, что хотите, а я нырну-ка в священные недра наши, – говорит нам Козья, а сама оттаскивает заслонку в сторону, берет со стены факел и лезет внутрь.

Чош скептически осматривает грудку железа.

– Не впечатляет, – говорит он.

– Выбора нет, довольствуемся тем, что есть, – отвечаю я.

– Давайте поищем, может, что-нибудь, да найдем.

Пока мы роемся в куче, из погребка выбирается Козья, тащит здоровенную пыльную бутылку. Откупоривает пробку, принюхивается и, недолго думая, опрокидывает прямо себе в глотку. Сделав добрый глоток, морщится, нюхает свой замусоленный рукав.

– Винчишко однако! – говорит она. – Крепленное! Доброе! Ух! А кровь-то заиграла! Еще не всё внутри протухло! А ежели кому-нить по задку надавать плеточкой, совсем будет хорошо! Так, сделаю-ка я еще глоточек и хорош пока.

С трудом подняв увесистую емкость, Козья проглатывает еще. Ставит на бутылку на землю, рыгает.

Я с интересом разглядываю мини-кузницу. Судя по всему, она периодически используется по назначению – заметны следы деятельности, кроме того, у стены сложены заготовки, наточенные мечи и так далее.

– Смотрю, у вас даже кузнец есть, – говорю я. – Неплохо бы попросить его наточить то, что у нас есть, а то в окрестностях с этим туго.

– Ленивая жирная жопа, а не кузнец! – отвечает Козья. – Лишь бы бока отлёживат!

– Да?

– Ей бы по харе надавать!

– Не поняла, ты о ком?

– Не поняла она, видишь ли А я о том, курва ты рыжая, что ей надо по харе надавать, чтобы поменьше дрыхла, падла тупая!..

– Кому по харе надавать?

– Как кому? Известно кому – кузничихе! А больше нет никого, кто умеет так молотом по наковальне дубасить, что у меня тут же башка начинает гудеть, прямо как городской колокол, возвещающий об очередном сожжении ведьм. Краем уха слыхала, ты чуть было не стала одной главных героинь таковского представления!

– Даже так? – изумляюсь я, решив не комментировать последние слова Козьи. – И кто же ваша кузничиха, если не секрет?

– Кто-кто А та, кого ты так защищаешь! Сраная толстая задница! Никакого уважения к старости, только и делает, что бока отлёживат, да шуметь тогда, когда тишины хочется! А, к дьяволу ее – выпью-ка ишо!

– Ты о Васальге что ли?

– О ней, о ней! Ох, как же хорошо, – вытирая подбородок, заключает она и только после этого обращает внимание на наши потуги найти что-либо стоящее. – Э, да вы так до скончания времен будете рыться! Так, отойдите, дайте мне! Сейчас я вам подберу чё-нить!

Очень быстро Козья выуживает из этой никчемной, на первый взгляд груды, несколько годных вещичек: кольчугу,

несколько сабель, арбалет и два пистолета.

– Забирайте, – говорит она, вываливая всё это перед нами. – Но ежели ишо что, то поищите сами – были здесь и морионы – вон лосю-то не помешает на бошку морион. Вот этот морион, кстати, – во, гляньте-ка! – ленивая толстая жопа выпрямляла! Был помятый и ржавый – а сейчас, погляди-ка, аж сияет весь! Умеет ведь, когда хочет! Поправлюсь – когда хочет, сука такая, досадить бедной старушке звоном и бабаханием! Берите, берите, не стесняйтесь, я не жадная! Так, лось, стой, не вертись, дай-ка я тебе Васальгов шлемик примерю! А? Ну-ка, ну-ка! – Не спросив разрешения, Козья одевает морион на голову здоровяку. Правда ей пришлось для этого залезть на кучу гнутых кирас, отчего она чуть было не свалилась. – От и подошло! Гляди-ка, а лось-то уже на человека стал похож! Носи, касатик, на здоровье! А я пока войско собираю.

Увлечшись рассматриванием оружия и доспехов, мы не замечаем, как она уходит. И на последние ее слова я тоже пропускаю мимо ушей.

Однако! Неплохие подарочки, особенно кольчуга – тонкая, легкая и как будто сотканная специально под девичий стан. Отдаю ее Тельге.

– Бери, бери! – настаиваю я, видя ее нерешительность. – Тебе бы экипироваться получше, так что даже не сомневайся. Кольчужка знатная!

Не зря приперлись сюда! Одну из сабель, подлиннее и по-

лучше, оставляю себе, Фнуфтов меч отдаю Чошу – всё-таки великоват бастард для меня, ручной арбалет с пистолетом достается Пегому. Второй ствол оставляю себе.

– Ну, если кто еще что хочет, – говорю я, – берите сразу, а то пора уже и в разведку. Как закончим, попросим Васю поточить наши ножички, она профи, у нее лучше нас получится.

Вооружившись как следует, выходим довольные и видим пеструю разбойничью рать. С мушкетами, пистолетами, мечами, секирами. Даже пушку приволокли.

Козья водрузила на голову стальной шишак, напялила на себя кирасу не по росту, рука в латной рукавице сжимает вчерашнюю саблю. Если она хотела придать себе грозный вид, то вышло наоборот. Бабка выглядит как огородное пугало.

А вот дед Акведук с двуручником и в начищенных до блеска латах производит впечатление бывалого воина.

– Это еще зачем? – недовольно спрашиваю я.

– Как зачем? – недоумевает Козья. – Ты что ж думала, мы бросим вас в пекло одних? Не бывать таковскому, не будь я атаман! Щас спроводим вас на место, подстрахуем! Вместе изведем чудище! Правильно я говорю? Правильно! Айда, мужики! Айда к Рыбарке!

Замечу – стоит довольно теплая и ясная, для середины зимы, погода. Как говорится, ничего не предвещает беды.

Рыбарка – это бывшее рыбацье поселение. Две избы, од-

на из которых полностью сгорела, другая обмазана глиной; пристань с привязанной к ней полузатопленной лодкой в низине, у замерзшего озера, среди хвойных деревьев и скал; и куча больших камней, бревен и веток у самой воды. К Рыбарке ведет крутая тропа.

Метров за сто до Рыбарки поднимаю руку, призывая всех остановиться. Приказ дублирует Козья:

– Стоять, недоумки! – вырывается из ее луженой глотки.
– Стоять, говорю!

– Чего ты орешь, как резаная? – рычу я на нее.

– А что?

– Ничего! Сначала нужна разведка, а разведку проводят в тишине. Должны же мы понять, с кем имеем дело.

– Та чего там понимать! Здоровенная такая уродина, мохнатая, мокрая, с лапищами – во какими! Сидит по большей части в норе, но также и в избушке. Пытались сжечь – да вот не получается – пушка сломана, кидать – то недолет, то перелет, то тухнет, а добежать с факелом не получается – начеку падла такая! Разрывает на раз-два. Вот и боятся все – а страх поднимается такой, что народ чуть не ссытся в штаны! Умельцев схлестнуться один на один – таковских нет, увы! Та и попробуй улови ее! Ишо тварь невидимая.

– Невидимая?

– Кажется так. Может прямо на ходу исчезнуть – поди лови ее потом! Короче – трудная вражина, трудная.

– Если пушка сломана, зачем же вы ее притащили?

– На всякий случай. Попужаем.

– Кого, безмозглого монстра? Пугать кучей металлолома?

– Ну, какие-то крохи ума у нее есть, оно же видно – вон какое гнездо себе выстроило! – Козья указывает на кучу веток и камней.

– Ты понимаешь, Козья, – говорю я ей, – что ты – дура набитая?

– Это ишо почему?

– Потому! Надо было вчера об этом рассказывать, а не ханку жрать! И потом, вы зачем тут? Чтобы наверняка предупредить монстра о том, что мы идем? Зная о его особенностях, ты еще и орешь, как ненормальная! Так, бабушка, иди отсюда, и воинство свое нетрезвое отведи подальше. Сидите тихо, и пока я не подам знак – не вздумайте вмешиваться! Всё понятно?

Козья выпрямляется и громко, как солдат на плацу, отвечает:

– Понятно! – оборачивается и снова орет во всю мощь, на которую только способна: – Отходим, братцы! Сейчас знатноки будут разбираться, а мы, типа, тихаримся и наблюдаем! Как Лео, значит, свистнет, или чего она там сделает, может, пукнет, гусём загогочет, побряхтит, помычит там, так подскакиваем, наваливаемся и херачим тупую тварь! Главное – прохиндеи, глядите внимательно и не зевайте! Довольно ему кровушку нашу пить! Пора бы самому пустить кровь! Верно я говорю? Верно!

Нет, ну что за ненормальная! Похоже, Козья просто не умеет говорить тихо.

Бандиты отходят, я пытаюсь сосредоточиться, но сделать это непросто из-за кучи людей. Козья так и шумит, покрикивает, кто-то смеется, кто-то с кем-то ругается. Бестолковая ватага, а не войско. И предводительница под стать. В таких условиях ни о каких сверхспособностях не идет и речи. Значит, придется действовать по-старинке – как былинный богатырь против змея Горыныча – с мечом наперевес. Заодно испытаю обновку – я о сабельке – в деле.

– Не могу, – вздыхаю я. – Слишком много лишних.

– Что предлагаешь? – спрашивает Чош.

– Единственное, что приходит в голову: мы с тобой, Чош, вниз, Тельга с Пегим будут нас страховать. Разделитесь – ты, Тельга, со своим луком с той стороны; Пегий, ты с другой. Будешь арбалет испытывать?

– Конечно.

– Хорошо. Я иду вперед, Чош чуть позади. Будьте предельно внимательны, если увидите что подозрительное – стреляйте. Только нас не подстрелите.

Но операция с самого начала не задается. И всё из-за Чоша. Эх, каким бы хорошим он не стал, ума у него не прибавилось ни на грош. Или память о предыдущем позоре в Волчьей Глотке здоровячку не дает покоя, или это влюбленность так действует, но Чош сразу кидается вперед, не обратив внимания на мой предостерегающий возглас.

Далеко продвинутся он не сумел – не удерживается на покрытом льдом спуске и с воплем скатывается и стучается морионом об избушку. В досаде я хло

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.